МАХНОВЩИНА И ЕЕ ВЧЕРАШНИЕ СОЮЗНИКИ - БОЛЬШЕВИКИ

Нестор Иванович Махно

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

(Ответ на книгу М. Кубанина «Махновщина»)

- Вместо предисловия.
- I.
- II.
- III.
- IV.
- V.
- VI.
- VII.
- VIII.

Вместо предисловия.

На пути большевистского литературного творчества появилась книга М. Кубанина под заглавием «Махновщина». Книга эта прошла через отдел «истпарта» (история партии) и под редакцией старого партийного работника-большевика М. Н. Покровского.

Построена же эта книга на основании документов большевистской охранки (быв. ЧЕКА -теперь ГПУ), письменных показаний, попавшихся в лапы этой охранки махновцев и анархистов - с одной стороны; с другой стороны - якобы добровольно раскаявшихся и перешедших на сторону большевиков.

Правда, автор этой книги не ограничивается одними документами против Махновщины, почерпнутыми их охранки. Будучи объективным в глубоком большевистском смысле этого слова, он пользуется о своем охаивании Махновщины и меня лично еще и заметками из предыдущих большевистских изданий, направленных против Махновщины, а также статейками и заметками анархистов и анархиствующих из стана «набатовцев». Пользуется он также выдержками из странного для меня дневника жены Махно. Не обходит мимо и лжи против Махновщины перебежавшего к большевикам известного палача украинской революционной деревни деникинско-врангелевского генерала Слащева... И лишь изредка автор вставляет то в одном, то в другом месте своей книги им самим по заказу партии вымышленные документы, отмечая их, как документы, поступившие к большевистским соответствующим органам из моего штаба через агентуру и документы от представителей Махновщины.

Книга издана в Ленинграде в издательстве «Прибой», издана она без указания даты и содержит в себе 327 страниц.

Фактически эта книга является специфически большевистским документом, строго сочетающимся с большевистским изучением Октябрьской Революции и своей партии, изучением, которое в силу чисто субъективных особенностей большевизма-ленинизма должно в самом основании своем закреплять себя Марксовскими методами лгать на тех и то, кто и что не приемлет в их, большевистских партийных целях и связанных с ними методах действия, канона на пути борьбы за свободу и независимость своей жизни, за воплощение и практику своих идеалов.

С этой стороны книга Кубанина является «документиком»

политического плутишки, отстреливающегося от того, чего сам не знает и не старается познать, но что по требованию века, времени, осознанных широкими трудовыми массами, жестоко преследует все политические плутни его партии.

Но параллельно с этой стороной этого «документика» в книге есть стороны, которые помимо воли автора и редактора - М. Н. Покровского, вскрывает перед читателем ряд положений для нас весьма ценных. Так, например, автор этой книги М. Кубанин говорит нам, что на Махновщину лжет известный по известному времени бывший глава «советского» правительства и душа большевизма-ленинизма на Украине Хр. Раковский в своей брошюре «Борьба за освобождение деревни».

Или другое признание. «Махновщина являлась движением прогрессивно-революционным... оно состояло из бедняцко-середняцкого крестьянства и рабочих. Стало же «контр-революционным и кулацким», дескать, только тогда, когда начало бороться против советской власти, против их, большевиков, и т.д.

Такое признание самих большевиков, независимо от ложных выводов их по нем, дает возможность серьезному читателю сделать совершенно безошибочные свои выводы о большевистской лжи и подлости по отношению подлинно трудового и революционно-освободительного движения украинских тружеников - движения Махновщины.

Итак, не будем мы прибегать к большевистским методам и лгать на них, большевиков. Останемся теми, кем мы были всегда на своем революционном посту в обращении с делами явных и скрытых иезуитов и уличных торгашей, прикрывающихся то теми, то другими общественными идеалами; и разберемся в документах, составляющих книгу М. Кубанина «Махновщина». Разбор этой книги непосредственно мной, целиком и все годы действия Махновщины, отдавшим себя делу этого движения, много жертвовавшим всегда и всюду собою и людьми во имя торжества идеи этого движения, - разбор этой книги и должные на нее замечания, по-моему, очень важны. Без последних я считаю, что не только большевики, но вообще люди, искушенные изучением истории Октябрьской Революции вообще и истории движения Махновщины в частности по записям их врагов

или по записям ренегатов, которые, как известно, всегда за счет лжи приспосабливаются к тому, во имя чего они становятся ренегатам, - эти люди всегда будут путаться в чужой лжи и подлости и выходить в результате своих трудов только с ними перед трудящимися классами, желающими или пожелающими узнать действительные факты о Великой Русско-Украинской революции, об основных социально-революционных движениях и

их роли в ней.

Н. Махно.

Перепечатка материала и подготовка книги к публикации: А. Дубовик.

I.
ВЗЯТИЕ ЕКАТЕРИНОСЛАВА И БАСНИ БОЛЬШЕВИКОВ О ИХ РОЛИ И РОЛИ ИХ ВООРУЖЕННЫХ «СИЛ» ПРИ ЭТОМ

Коснувшись боев повстанческих махновских отрядов с войсками Украинской Директории в декабре м. 1918 г., автор книги «Махновщина» мало что вносит в этот вопрос своего. Он говорит о нем, главным образом, на основании выписок из книги своего однопартийца некоего Лебедя: «Итоги и уроки трех лет анархо-махновщины» и из социалистической газеты «Наш Голос» (по Кубанину, газета эта была петлюровской ориентации. Н.М.).

Прежде чем начать охаивать повстанцев-махновцев, гр. Кубанин приводит из книги Лебедя ряд положений, гласящих: «екатеринославский губревком, состоявший из большевиков и имевший свои вооруженные силы, численность которых равнялась 1500 челов. ... Но что все эти силы под командой Колоса находились на линии станций Просяная-Чаплино-Синельниково, где держали фронт против наступления белых.».

Если бы книга Кубанина «Махновщина» не являлась, как я уже отметил в предисловии, документом изучения Октябрьской революции и истории партии В.К.П.(б), можно было бы обойти молчанием сугубую неверность и залихватский тон большевиков о «их» подпольном губревкоме и о его вооруженных силах под командой Колоса. Но раз дело касается изучения истории, то требуется правда, а потомку я заявляю следующее:

В этот период подпольный губревком состоял из рабочих большевиков и левых эсеров. Имел и я от своего штаба в нем своего информатора в лице тов. Алексея Марченко.

Командир большевистского отряда Колос имел в своем распоряжении в это время отряд в 250-300 человек, с которым, до моего прибытия под Екатеринослав и выработки мною плана наступления через Днепровский мост против войск Директории, находился вне всякой линии боевого фронта, если, конечно, не считать того, что Колос силами этого отряда стягивал в г. Синельниково всю крупную и мелкую буржуазию и объявлял ей контрибуционного характера приказы о сборе с нее денег для партии.

На линии же Просяная-Чаплино-Синельниково в это время

фронта против белых не было, а был он на линии Чаплино-Гришино-Очеретяная и его занимали отряды повстанцев-махновцев под командой т. Петра Петренко.

Недели за две до этого Колос появился было на этом боевом участке махновцев, но оказался совершенно лишним, так как махновцы и без него с успехом теснили на этом участке своего обширного фронта банды белых.

Не менее грубым искажением истины и смешением и перемещением фактов и ролей махновцев и большевиков при занятии г. Екатеринослава является и другое утверждение Кубанина на стр. 41-й, где он подчеркивает: «Махно со своими силами подчинялся штабу отряда» (по-видимому, Колоса) и Екатеринославскому губревкому... Товарищ Колос выделил Махно и часть своих сил под командой Тесленко на помощь Екатеринославу, оставив основные силы на фронте».

В своих полных записках о движении махновщины я этого коснусь подробно. Сейчас же отмечу по поводу этого места большевистской поддержки то, что от дня 27-го дек. 1918 года, когда началось наступление наших объединенных сил - махновских, включая сюда и анархистские, большевистских и лево-эсеровских на г. Екатеринослав, у большевиков на всей Екатеринославщине и далее по направлению Крыма, Одессы, Киева и Полтавы никаких вооруженных сил не было. С этого же дня и отряд Колоса, и лево-эсеровский отряд, и весь губревком подчинялись в оперативном отношении мне и моему объединенному штабу.

Бой длился четыре дня и четыре ночи. И лишь по окончанию боя или, по крайней мере, под его конец - губернский комитет партии большевиков рискнул было произвольным образом, что называется, «нахрапом», обойдя мой штаб, наше объединение, и назначил из своих членов коменданта города, комиссара почты и телеграфа, комиссара путей сообщения, нач. милиции и другого рода начальство. Все эти большевистские партийные избранники не то накупили, не то конфисковали себе министерские портфели и под мышками с ними пришли в мой штаб, помещавшийся на втором этаже Екатеринославского вокзала.

Вот эти избранники пусть скажут для истории правду о том, что я им говорил, когда, узнавши, что они - избранное от партии губернское начальство, гнал их чуть не в шеи, не только из штаба, но вообще с вокзального этажа. Сам я об этом подробно буду говорить в своем месте. Сейчас же ограничусь тем, что входит в задачу моего ответа на книгу.

В это время большевики особенно определенно показали мне себя в том, что они хотят во что бы то ни стало сделаться

политическими хозяевами в жизни трудящихся всей Екатеринославщины, но не имея своих сил, чтобы водрузиться на этом пути, они стремились достичь этого за счет повстанцев-махновцев. Они, не смотря на то, что я не допустил к власти их партийное начальство, которое они выделили из своего состава для всей губернии и как таковую дарили трудящимся, не спрашивая у них об их желании, - примут ли они ее для себя и будут ли ей подчиняться, - они прислали ко мне свою делегацию во главе с неким Гришей, сообщить мне, что они «получили депешу из Москвы от В. И. Ленина, который вас, батько Махно, припоминает по вашей информации его об отступлении красногвардейских и анархистских отрядов из Украины под натиском немецких армий. Он утверждает вас главнокомандующим всеми советскими войсками на Екатеринославщине. Что на основании этой депеши от тов. Ленина и был, дескать, в спешном порядке объявлен, подхваченный как вам известно, меньшевицкой газетой «Наш голос», список членов, составленного нами Губернского Военно-революционного Комитета с главнокомандующим всеми советскими вооруженными силами на Екатеринославщине - Нестором Махно.».

Анархисты, левые социалисты-революционеры, да и сами большевики помнят, что я говорил тогда об этом назначении меня главнокомандующим. Я им говорил: здесь советских войск нет. Здесь главными силами являются революционные повстанцы-махновцы, цели которых всем известны и понятны. Они борятся против какой бы то ни было государственной политической власти и за свободу и независимость трудящихся в деле Революции и в ее анархических тенденциях - экспроприировать во всенародное пользование все орудия производства и средства потребления и не допускать над этими прямыми завоеваниями тружеников опеки государства. И для меня, - говорил я, - совершенно не понятно, как т. Ленин мог додуматься до того, чтобы назначать меня главнокомандующим, да еще над теми силами, которые не существуют в таком размере, чтобы для них нужен был главнокомандующий.

Тогда же я предложил анархистам, большевикам и левым соц.-революционерам, вместо назначенного большевистским парткомом для трудящихся губернии начальства, организовать вместе с Екатеринославским профессиональным союзом рабочих и повстанцами Временный Революционный Комитет на партийных ***(sic! - А.Д.)*** началах - по пять представителей от каждой из политических и профессиональных организаций, Комитет, в задачу которого должны войти: организация

населения города и самоохрана последнего и созыв губернского съезда крестьян и рабочих, который и наметит себе для охраны своих завоеваний и связанного с ними нового социально-общественного строительства, нужные конструктивные положения.

- Нам, революционерам, - говорил я тогда товарищам, слушавшим меня, - нужно стараться только связаться организационно и полностью с трудящимися и внести на их сходы, собрания и съезды максимум своего идейного влияния исключительно в интересах расширения и углубления социального характера Революции.

Большевики, выслушав меня, не много поломались, но с ними мало кто из нас считался в этом вопросе, и они, чтобы не остаться за бортом инициативных групп в развертывавшихся событиях, занялись, как и все остальные, организацией предложенного мною временного революционного комитета на паритетных началах.

Совершенно неверно и примечание гр. Кубанина к сообщению меньшевистской газеты «Наш Голос» о действиях махновцев и большевиков в Екатеринославе, которое он подчеркивает: «был организован губернский военно-революционный комитет, куда членом и военным комиссаром вошел Махно».

Читателю уже известно, что в подпольный губревком я лично не входил, а имел в нем своего политического информатора. В революционный же временный комитет, организованный по моему предложению на паритетных началах, я не только что не вошел членом, я даже не присутствовал на его первом заседании. За 4 дня и ночи беспрерывного боя на улицах города, во время которого я в большинстве случаев находился на передней линии огня, не сменяясь и не зная ни сна, ни отдыха, я выбился из сил настолько, что никакие просьбы большевиков, левых эсеров, анархистов и повстанцев не помогли им затянуть меня на заседание этого комитета. Я почувствовал серьезный упадок физических сил и свалился на несколько часов в постель.

На второе заседание Комитета большевики меня упросили зайти и хотя своим присутствием оказать влияние на повстанцев и анархистов, которые своим поведением против них, большевиков, предрешили их провал в проведении на председательский пост Комитета своего представителя, и они, дескать, боятся, что при создавшемся, благодаря отрицательному отношению к ним повстанцев и анархистов, положению, они могут провалиться и в выборах товарищей председателя или главного секретаря Комитета.

Чувствуя себя менее уставшим, я пошел в Комитет и выяснил, насколько беспокойство и плач большевиков за свое положение в Революционном Комитете соответствует истине. Я выяснил, во первых, то, что в выборах председателя Комитета анархисты не принимали участия, но советами *(sic! - А.Д.)* рабочим и повстанцам-крестьянам поддерживать, вместо мальчишки без всякой самостоятельной инициативы т. большевика, пожилого и серьезного товарища из левых соц.-революционеров. Главный же секретарский пост собрание Комитета поручило анархистам, а большевикам без всяких прений предложило занять одно место тов. председателя.

Далее в своих беседах с большевиками я убедился, что они были недовольны не только анархистами и повстанцами, но и мною за то, что я не сделал нужного в большевистском смысле давления на повстанцев и прислушивавшихся ко мне анархистов, чтобы последние поддерживали во всем их, большевиков, предложения в Комитете. Но так как я был прежде всего и в своем роде революционным полководцем, а не политиком-марионеткой, по обыкновению стремящейся лично устраиваться поудобнее и из-за этого угождать всем и вся, то я не спустился перед недовольством большевиков на колени. И это освободило меня от излишних с ними разговоров на комитетские темы.

Неверными являются и другие заимствованные Кубаниным сведения из книги Лебедя, которые Кубанин поддерживает в своей книге целиком и которые гласят: «Разговоры о конструировании власти выливались в острые и гаденькие формы торговли... Коммунисты-большевики готовы были отказаться (читай, от власти. Н.М.) и взывали к революционной совести соц.-революционеров и Махно».

Из выше освещенного мною о том, кто организовал Временный Рев. Комитет на паритетных началах, как большевики провалились со своим кандидатом на пост председателя и главного секретаря этого комитета, как просили меня помочь им совсем не быть выведенными из президиума Рев. Комитета, - вполне достаточно понятно, что о конструировании понимаемой большевиками власти никакой речи и не было и что, кто именно торговался из-за партийного положения в комитете, как не сами большевики.

В высшей степени является наглым извращением у Кубанина та заметка скрывающегося под буквами С-в большевика, которую Кубанин подчеркивает: «За ночь Махно несколько лиц расстрелял за грабежи, однако это были случайные жертвы. Своих «сынков» Махно не трогал» (стр. 145). Тогда как, на самом деле, я за грабежи, как и за насилие, вообще расстреливал всех. Конечно,

среди расстрелянных в Екатеринославе за грабежи оказались, к стыду большевиков, все почти лица из вновь и наспех большевиками сколоченного Кайдацкого большевистского отряда, которых сами же большевики и арестовывали и окрещивали их махновцами. Лишь в штабе в моем присутствии выяснилось, что все эти лица не знали даже, на каких улицах махновцы занимают позиции, кто их командиры, как называются роты и т.д. Но за то эти лица хорошо знали места формирования Кайдацкого большевистского отряда, где он стоит, командира его и когда они записались в этот отряд и получили оружие.

Помню я и помнят это сами большевики, как скверно они себя чувствовали, когда убеждались, что грабители эти, главным образом, были их знаменосцы, только должны они были быть убитыми не на том посту и не за то дело, во имя которого их большевики без разбора, наспех стягивали и поручали нести их знамя вперед к победе над врагом (В моих записках мир труда увидит когда-либо подробности о занятии махновцами, большевиками и левыми эсерами Екатеринослава и он узнает правду об этом в деталях).

Неверными являются и самого гр. Кубанина выводы по данным его однопартийцев - Лебедя и С-в - утверждения, что петлюровский полковник *Самокиш* воспользовался случаем торговли анархистов из-за власти и выгнал разложившиеся махновские силы из Екатеринослава. Ибо, если бы повстанцы-махновцы действительно за полдневную свою стоянку в городе разложились без боя (что может делаться по-моему только в кубанинской голове. Н.М.), то что же делали, спрашивается, тогда большевики со своими вооруженными силами, которые «не разложились» и качество и количество которых Кубанин часто подчеркивает, - что они делали для того, чтобы не отдать полковнику Самокишу города, так дорого стоившего всем нам при отнятии его у войск Украинской Директории, якшавшихся с белыми формированиями?

Нас, с нашими объединенными силами, выгнало из Екатеринослава то обстоятельство, что, когда большевистский губпартком узнал, что его представители потеряли не только председательский пост для себя в Револ. Комитете, но и всякие надежды, что он через них сможет провести от имени этого Комитета в жизнь трудящихся свои полицейско-диктаторские партийные директивы, он пошел на скрытую измену и Рев. Комитету и мне со штабом, без которых войска Директории не допустили бы самих большевиков даже до подножия Днепровского моста, через который бесстрашные безыменные революционеры махновцы пошли в наступление на

Екатеринослав, и в мгновение ока одни под руководством Калашникова заняли вокзал, подойдя к нему поездом из-под моста, а другие вместе со мной - сторожевой автоброневик врага, сверху моста, и столкнулись лицом к лицу с врагом.

Естественно, что в согласии с действиями губпарткома действовали и его вооруженные силы - в лице отряда Колоса. Этот самый большевик Колос, который вместе с отрядом во время самых ожесточенных четырехсуточных беспрерывных боев повстанцев-махновцев на улицах города, большую часть времени провел на резервной службе. После того, как противник был выгнан из города, был мною выслан на линию жел. дороги Екатеринослав-Верховцево за город, для наблюдения за передвижениями разбитого противника. Сам Колос находился на бронеплощадке при этом отряде. До окончательного сконцентрирования Революционного Комитета, тов. Колос о всяком моменте передвижения противника, удалявшегося от города, доносил аккуратно и во время мне. Но как только Комитет сконструировался и стало известно всем, что большевики не заняли в нем главных мест, -этот самый Колос, исправный, знающий свой пост и обязанности на нем, Колос, начал заметно опаздывать с донесениями или, даже, совсем пропускал их обязательный час. И в конце концов подпустил свежий полк «галіцкіх стрільців» под командой полк. Самокиша (со стороны Верховцево) на столько близко под Екатеринослав, что ему не нашлось уже времени лично доносить об этом мне в штаб, он начал отступать вместе со своим отрядом.

Правда, я узнало об этом от самого Колоса, но тогда, когда Колос с отрядом был уже возле Брянского завода (ныне имени Петровского).

Я видел, что в подобного рода действиях большевиков скрывается что-то преступное, но неуловимое в нормальной обстановке. И тем не менее я предпринял все меры к тому, чтобы дать должный отпор наступавшим «галіцкім стрільцам» под командой Самокиша. Но хваленый большевистский отряд в 80-90 человек, прибывший под командой Лантуха из г. Новомосковска, отряд, который, я не понимаю почему, Кубанин величает 1-м Новомосковским советским полком, перед тем, как должен был, до прихода из противоположного от вокзала конца города, махновцев, занять, вместе с хорошей пулеметной командой, проходные улицы, идущие от Брянского завода и не допустить подхода по ним противника, пришел в панику от пробного своего пулеметного огня и, не стараясь ее побороть, побежал к ведущему через Днепр мосту, стреляя в воздух, а затем, бросая винтовки в воду. Эта паника большевистских «вооруженных сил» была

устроена на глазах жителей, вокруг вокзала, и когда махновцы находились в другом конце города и расстрелять паникеров и их руководителей не могли.

Хорошо памятна эта паника и самому Колосу и его отряду, ибо он, слыша ее, быстро откатился, без всякого сообщения мне, от Брянского завода, на вход под Днепровский мост.

Когда же я увидел, что я остался лишь со связью от частей, и с несколькими санитарами, а пули и снаряды противника ложились уже вокруг вокзала, - я дал распоряжение командирам повстанцев-махновцев: не выходить навстречу противнику, а спешить завладеть Днепровским мостом, - одна минута промедления, мост будет занят противником!..

Вот это и есть подлинная картина, правда, без деталей, той действительности и тех условий и обстоятельств, которые позволили полковнику Самокишу и другим командирам войск Украинской Директории свободно подойти под Екатеринослав и без всякого мало-мальски своевременного с нашей объединенной стороны сопротивления - занять у нас этот город.

II.
МАХНОВЩИНА И БОРЬБА С НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИЕЙ

Как низовое массовое революционно-освободительное движение Махновщина совершенно не дает покою Кубанину. Касаясь с этой стороны Махновщины, Кубанин пишет: «махновцы приняли активное участие в борьбе с немцами колонистами по району. Кроме того, занимая позицию в районе Чаплино, они разоружали отступавшие в Германию немецкие части. Приманкой для борьбы с немцами, - подчеркивает Кубанин, - служили оружие, обмундирование и военное имущество, из-за которого крестьянство чуть ли не поголовно, целыми селами, выступало на борьбу с уже разгромленной (здесь Кубанин не отмечает сознательно того, кем разгромленной. Н.М.), ослабевшей и уходящей с территории Украины немецкой армией».

Верно, что крестьянство поднималось на борьбу с гетманско-немецкой реакцией и ее главным оплотом - контр-революционной экспедиционной, в 600.000, царской немецкой и австрийской армией. Но кто подымал крестьянство на борьбу против этой, неравной в смысле техники, организованности и дисциплинированности контр-революционной силы? - Кубанин не хочет сказать, что это делала группа революционных крестьян-анархистов, ставившая цели освобождения угнетенных тружеников выше всяких партийных или групповых целей, но которые большевики ставили ниже Брестского мира с немецким царем Вильгельмом II и австро-венгерским Карлом и беспрекословного права этих палачей распоряжаться целой революционной страной - Украиной, укрощать ее революционное, трудовое население, лишь бы они не направляли этих сил против их, большевистской власти, на Север и вообще в Россию.

И верно ли то, что Кубанин говорит: «приманкой для борьбы с немцами служили (читай: для крестьян под руководством махновцев) оружие, обмундирование и вообще имущество?

Я утверждаю, что отобрание у немецко-австрийской армии оружия было актом революционным, осознанным крестьянской массой и согласованным с необходимостью непосредственной, прямой революционной борьбы ее за свое освобождение от власти помещика и кулака, от власти государства и его чиновника, этого - в буржуазных государствах явного, а в государствах социалистических - тайного слуги фабриканта, помещика и

кулака.

На протяжении длительной истории своего рабства, украинское неэксплоатирующее чужого труда крестьянство, не поддавалось внешнему давлению, хранило в себе дух вольности. Этот дух в общей - рабочих и крестьян - практической революции прорвался сквозь стены реакции и нашел себе простор в стихийных порывах революции - завоевать своему развитию как можно больше прав. В этом открыто у крестьянства вскрывается его родство с идеей анархизма. На этом оформлялось у крестьянства, на Украине в особенности, понятие о революции, как социальном средстве, и о целях, во имя которых нужно совершать революцию. Для политиканов всех мастей, всех партийных окрасок, а с боку их и для некоторых на спех и посредственно заглядывающихся в жизнь крестьянства, анархистов и синдикалистов, кажется страшным утверждение того, что украинское неэксплоатирующее чужого труда крестьянство, приняв непосредственное участие в революции, отдавало себе отчет в том, что антиполитические социальные революции создаются для того, чтобы с помощью их трудящийся люд, умело действуя, мог до основания разрушить ненавистный ему буржуазно-капиталистический строй, со всеми видами и формами его решающе-законодательной политической и экономической власти и чтобы на его развалинах мог создать себе новый свободный строй с его новым правом, новыми социальными и индивидуальными отношениями между людьми. Для людей, во всем и вся ориентирующихся только на город, на его зараженность властью, на его начальническое начало, совершенно не понятным кажется то, что украинское крестьянство с первых дней революции стремилось практически высвободиться от опеки государственной власти, ее начал и партий, поддерживающих эти начала. В замен опеки государственной власти над собой и революцией, революционное крестьянство выдвигало свою трудовую, коллективную волю на весь рост и развитие революции, на все его прямые действия в этом направлении и на действие и недействие противившихся целям революции в пользу контр-революции. А в действительности именно на этих подлинно-вытекающих из крестьянско-анархических тенденций, революционных основаниях украинское неэксплоатирующее чужого труда крестьянство группировало свои силы, определяло задачи дня и действовало против врагов революции в интересах идеи, обеспечивающей свободу и независимость всей трудовой семье. Так родилась в украинской трудовой деревне столь ненавистная большевикам и буржуазии махновщина. Этот не на словах, а на

деле авангард тружеников, которые всю свою жизнь находились до революции и продолжали находиться в первые месяцы во время революции в позорном рабстве под гнетом немецкого заводчика и помещика, еврейского и русского фабриканта и банкира, с поддержкою русского и украинского жандарма и полицейского сыщика.

Как низовое, подлинно трудовое народное движение, революционная махновщина восстала за попранные права революции против гетманско-немецкой контр-революции. Как таковая - она встретила с оружием в руках и контр-революцию в лице Белого Дона и деникинщины, и, как таковая, она не потерпела и большевистской диктатуры и ее контр-революции, не смотря на свою техническую слабость, лишавшую ее в известные моменты возможности снабжать трудовое население оружием и организационно дельным и революционно честным, преисполненной трудовой инициативы, элементом.

Для партии большевиков и для Кубанина, действующего со своей книгой против махновщины, книгой, предназначенной к изучению революции, конечно, махновщина не может быть тем, чем она была в действительности. Он старается свести ее к случайному явлению в революции, а главного ее вдохновителя и руководителя - гуляй-польскую крестьянскую группу анархистов-коммунистов, во главе со мной, совершенно не упоминает. Чувствуется, что он не прочь был бы и меня лично выбросить из круга движения, но нельзя. Меня легче всего ему топтать в грязь. Это несколько помогает ему свободней оплевывать и само движение. Меня Кубанин ни на шаг не отпускает, треплет, как только его язык болтается. «Вслед - продолжает Кубанин свою басню о махновщине - за отступавшими немцами шли белые... С ними махновская деревня вступила в борьбу. Фронт вытянулся на линии Пологи-Волноваха-Большой Токмак-Ореховская. Здесь Махно не впервый раз изменил своему анархизму, поставив на собрании своего комсостава и штаба вопрос о необходимости введения принудительной мобилизации. Но присутствовавшие на собрании анархисты - Венгеров, Уралов, М. Черняк и друг., выступили против, результатом чего был провал мобилизации.

«Махно учитывал крестьянскую психологию, интеллигенты анархисты, во имя защиты «святого принципа - отказа от насилия», фактически помогли белым одолеть Махновцев».

Здесь гр. Кубанин прибегнул к истине в том, что махновская деревня вступила в борьбу с белыми и указал, вопреки большевистскому «обыкновению», истину о махновских фронтах против белых, специально для того, чтобы лягнуть меня и скрыть за анархической, Кубаниным вымышленной, деятельностью

против неизвестной мне необходимости мобилизации, преступление своей партии, штабов красной армии на пути временной победы деникинской армии над махновцами.

Ни я, ни мой штаб и командный состав армии махновцев не знаем такого случая, чтобы я когда-либо предлагал или настаивал на какой бы то ни было необходимости мобилизации. Не знаю ни я и все мои близкие и такого случая, чтобы приезжие анархисты, в особенности М. Черняк и Венгеров, когда бы то ни было выступали перед командным составом, да еще против меня, доверие к которому командного состава было совершенно нетерпящим того, чтобы случайные элементы в движении его подрывали в нем.

Время, о котором говорит гр. Кубанин, было такое, что армия махновцев состояла из более 30 тысяч вооруженных и более 70 тысяч организованных по селам и деревням местными подотделами основного штаба махновского движения, которые из-за отсутствия вооружения находились на своих домашних работах и по надобности сменить ту или другую уставшую на фронте боевую вооруженную единицу, сменяли таковую. Для борьбы с Деникиным у махновцев достаточно было революционных крестьян добровольцев. Но то обстоятельство, что партия большевиков и ее «советская» государственная власть боялись самоорганизовавшегося революционного украинского крестьянства под знаменем Махновщины, они всячески саботировали союз с махновщиной, по которому они должны были всегда во всем снабжать ее армию снарядами, патронами и винтовками, - это обстоятельство, главным образом, содействовало деникинским генералам во временной победе (весной 1919 года) над махновцами.

Стоит только покопаться в штабе 2-й красной армии в моих требованиях патронов и снарядов (винтовок нам большевистское правительство ни разу не присылало, - мы добыли их у немцев, гетманцев и деникинцев), как можно наткнуться на такие факты, что патроны, высланные для армии махновцев, ходили две, три недели, где-то совершенно в другом направлении. И разве не я предупреждал красное командование о том, что в штабе 2-й армии видимо засели агенты Деникина, и разве они не были раскрыты после, когда уже навредили и армии махновцев, и красной армии. Без документов под рукой я не мастер разбрасываться фактами. Но Кубанину и кубаниным следовало бы знать, что заставило 2-ю красную армию переименовать в 14, когда Ворошилов принимал ее под свое командование.

И разве не благодаря всем этим явлениям на красной вышке армия повстанцев-махновцев по неделе и по две оставалась в

окопах без патронов и несла неисчислимые жертвы?

Правда, большевистским борзописцам трудно притти к той мысли, чтобы подумать о более серьезных документах при подходе к изучению фактов о Махновщине и ее деятельности и деятельности против нее за ее спиной, ее же «революционного» союзника - их партии. Директивов, видимо, нет на это, а потому нужно писать как можно больше о том, за что от всемогущего центра и славу заслужат и в забвении не останутся. И во имя этого, видимо, Кубанин продолжает свою басню далее: «Отряд был бы раздавлен, если бы с Севера в это время не подошла Красная армия.»

Слышишь, читатель, отряд. Всего несколько строк выше это были силы, занимавшие фронт «Пологи-Волноваха-Большой Токмак-Ореховская». Сейчас они стали отрядом, которого ожидала гибель, если бы не подошла и не спасла Красная армия.

Попробуем, оставив в стороне «отряд», беспристрастно подойти к Красной армии, пришедшей в январе-феврале месяце на Украину. Эта армия состояла из бригады (12 шт.) бронепоездов, под командой матроса Л., и отряда пехоты. Эти оба рода вооруженных сил находились под верховным командованием Дыбенко.

От Курска до Харькова они шли без боя. Весь этот путь был освобожден восставшими крестьянами. Г. Харьков был занят отрядом анархиста Чередняка. От Харькова до Лозовой путь освобожден восставшими крестьянами, главным образом, под руководством анархистов и левых соц.-революционеров. От Лозовой до Синельникова и далее до Чаплины-Гришина-Волноваха-Верхний и Большой Токмак - вся эта территория была освобождена от немцев и белых повстанцами-махновцами.

Большевики шли из России совершенно свободно по очищенным восставшими тружениками путям. И нам, махновцам, они помочь могли только патронами, орудиями и снарядами. Но орудий полевых у них не было, винтовок лишних тоже не было. Они дали 100.000 патронов и только. А мы, ставя интересы революции выше наших идеологических разногласий, ничего не имели против того, чтобы наши отряды в лице 6 и 4 повстанческих полков пошли под командой Дыбенка на Крым.

Это факты, которые не подлежат никакому оспариванию и они побуждают меня спросить у гр. Кубанина и всего большевистского управления и распоряжения собранием и размещением материалов, по которым оно призывает «доблестных» Кубаниных писать по истории октябрьской революции и партии В.К.П.(б), - спросить у них именно о том: кто же кому действительно оказал в данном случае помощь и кого

читатель со стороны книги Кубанина и моего ответа на нее должен считать политическими авантюристами, манкирующими даже на изучении истории революции?

Я думаю, что ни в каком случае не нас, повстанцев революционной Махновщины, читатель со стороны может назвать авантюристами. Мы на пути революции и целей обманутых, порабощенных и угнетенных в ней до этого не доходили и пока имеем в себе достаточно убеждений, которые нас вполне поддержат и в будущем не допустят дойти до этого. Нам можно сказать, что мы спотыкались, что мы были жестоки или слишком мягки в своем прямом деле по отношению врагов революции и наших идей в ней, но мы не были авантюристами и угнетателями. Мы не были изменниками, угнетавшими тружеников. Мы жертвовали своими жизнями в непосредственной, прямой борьбе со всякого рода угнетателями, двигаясь сами и зовя и ведя других за собой вперед к свободному, светлому для настоящей и будущей жизни человечества, будущему, обрести которое, по-моему, можно только силами и твердостью угнетенных тружеников - крестьян, рабочих, трудовой интеллигенции, - не делая из них кумира с правом на угнетение других.

III.
МАХНОВСКАЯ АРМИЯ И ЕЯ ОТНОШЕНИЕ К ЕВРЕЯМ ПО КУБАНИНУ

На страницу 163-й своей книги, Кубанин касается антисемитизма и говорит: «по отношению к евреям в 1918-1919 годах ни махновская армия в целом, ни ее руководящие верхи не были антисемитски настроены».

Здесь Кубанин говорит совершенно правильно. Но я должен отметить, что революционные махновцы и до 1918-1919 годов и после них, вплоть до сего дня не были и не есть антисемиты. Но ложь и подлость многих политических проходимцев из семьи еврейского народа, направленная против нас, махновцев, - ложь и подлость не проверенная, но обличающая нас в позорнейшем преступлении против еврейского народа, называя нас врагами еврейского народа, которые на Украине, дескать, громили и насиловали его мирную жизнь и т.д. и т.п. - в то время, когда на самом деле мы на Украине громил и насильников всегда убивали, - это преступление против нас, преступление, исходящее из семьи еврейского народа, дает нам моральное право ненавидеть уже не только торгашей своего рода, которые, зная, что мы не были погромщиками, обличают нас таковыми, но и людей посерьезней этих торгашей, людей способных мыслить и рассуждать, глубже и шире вникать в дела революции и украинской действительности, чтобы разобраться в честно в приписываемых нам каждым безответственным политическим проходимцем, позорнейших преступлений против еврейского народа - вроде, если не устраивания еврейских погромов самими лично, то поощрения таковых.

Эти люди - люди еврейской общественности и ее культурного развития. Люди, которые, прочитав мое обращение к евреям всех стран (смотри № 24 анархич. Журнала «Дело Труда», выходящий в Париже) и мою статью «Махновщина и антисемитизм» (см. тот же журнал, №№ 30-31) обязаны были проверить факты, указанные мною в этих статьях об махновском движении и антисемитизме и сказать правду еврейскому народу во всех странах об этом. Но из них до сих пор не находится ни одного человека, который бы занялся проверкой наших указаний и перестал бы подличать, хотя бы сам своей клеветой на нас.

«Однако, - добавляет далее, на странице 164-й, Кубанин, -

когда Каменев приехал в Гуляй-Поле (Каменев, Ворошилов, Метлаук ***(sic! - А.Д.)*** и Дышловский были у меня в мае месяце 1919 г. Н.М.), первое, что он увидел, была надпись на вокзале, сделанная от руки повстанца: «Бей жидов, спасай Россию!». Махно расстрелял повстанца за этот монархический лозунг».

Совершенно верно и здесь Кубанин говорит. Я действительно расстрелял написавшего этот лозунг на бумаге и вывесившего его. Но это было не на Гуляй-Польском вокзале и не при Каменеве. Более того. Каменев этого лозунга и не видел, я о нем только делился с Каменевым своими тяжелыми впечатлениями.

Но гр. Кубанин умышленно смешивает и время, и место появления этого лозунга. Этой умышленностью своей, Кубанин по долгу партийного человека большевистской формации, старается набросить тень , очернить революционную честь и достоинство Гуляй-Поля и гуляй-польцев в делах Революции, - на самом же деле он раскрывает сам свое копеечное достоинство революционера, ибо ни Л. Каменев, ни кто либо другой из бывших с ним у меня не могут сказать, что они видели этот погромный лозунг на гуляй-польском вокзале.

Лозунг этот был написан рабочим из Пологовского депо - неким Хижным (а кто такие Хижные по партийной принадлежности того времени, трудовое население Полога знает: он и старший брат его были большевики) и вывешен на станции Кирилловка, по линии ж. д. Чаплино - Бердянск. По этой же линии в нескольких саженях от станции Кирилловка был расстрелян этот самый Хижный.

Здесь же, параллельно с этим злосчастным лозунгом, Кубанин разбирает вопрос о разгромленной еврейской колонии Горькой, об убийстве в ней нескольких, ни в чем не повинных еврейских семей отпускными ***(sic! - А.Д.)*** на месячный отдых повстанцами, под непосредственным руководством новоуспенского волостного большевиствующего Комиссара, который на этот ново-установленный, населению ненужный, пост был выдвинут самими большевиками - разъездными от центра пропагандистами и который за это злодеяние мною расстрелян. В этом вопросе Кубанин уже совсем не считается с тем, что ему может каждый человек, даже не из махновцев, убежденных в своей честности по отношению к пострадавшим в колонии Горькой, сказать, что он на нас умышленно клевещет, но он пишет:

«Весною 1919 года успеновским отрядом в 22 человека, под командой члена штаба Дерменжи был устроен погром в еврейской колонии Горькой. Но Махно, не будучи сам антисемитом и выступая в своей печати против антисемитизма,

не особенно преследовал своих ближайших сотрудников за отдельные антисемитские акты. Не смотря на требование Дыбенко наказать Дерменжи за устроенный погром, Махно ничего не предпринял».

Наглость Кубанина в данном случае для меня, больше, чем кого либо другого, понятна. Она питается жаждой всех партийных большевистских верхов сильнее возбудить среди евреев, сторонников физического патриотизма и естественной мести врагам своего народа, злобу и ненависть ко мне. Эта роль - больше чем наглая, она - провокаторская. Но к ней прибегали против меня и другие, до Кубанина. Пресловутый еврейский анархист из американского «Фрайе Арбейтер Штиме» - некий Яновский, который впервые, в дни, после убийства С. Петлюры, так сказать, в дни еврейского национального пафоса, к которому приобщались из одной чаши и правые, и многие левые, отлично знающие прямых погромщиков, гуляющих по европейским столицам, но предпочевшие из косвенного виновника еврейских погромов, сделать прямого и через его смерть крикнуть миру о вопиющей, пережитой частью еврейского народа трагедии на Украине, - в эти дни упомянутый Яновский писал о нас, махновцах, в своем «мнении об убийстве С. Петлюры» на страницах анархического органа: «Конечно, обвинять Троцкого за учиненные красной армией еврейские погромы нельзя. В еврейских погромах повинен не один Петлюра. Банды под руководством Махно, тоже повинны в пролитии еврейской крови».

Не знаю, для кого и как звучит мнение Яновского, которое, как известно, появилось в дни, когда во Франции чуть ли не каждый еврей хотел быть мстителем за свой народ, без различия - кому мстить. Когда, чуть не каждый задумывался над тем, чтобы стать «героем» Шварцбардом, - я вижу в этом «мнении» Яновского ту же провокаторскую сущность, которая, правда, различна, по сравнению с Кубанинской. У него сущность эта звучит как мнение человека, возомнившего о себе, что о «мнениях» на счет «махновских погромов» история не найдет правды и не отметит того, насколько подлы человеческие натуры, которым ничего не стоит трепануться на расстоянии, издалека, о том, кого не знаешь, и замолчать. Наоборот, у Кубанина эта сущность звучит нескрываемой враждою противника, задавшегося целью оплевать все махновское движение, с ясным сознанием, во имя чего, при том, - сознанием, настолько сильным, что, если бы нашлись сподручные наемники убить Махно, он не прочь был бы воспеть их, чуть ли не с указанием своей партии, что все случилось благодаря меткости его пера и криводушничанья перед историей

об отношении Махно, как такового, к погромам и погромщикам, кто бы они ни были.

По поводу разгрома еврейской колонии «Горькой» я уже говорил в своей статье «Махновщина и антисемитизм» в «Деле Труда» № 30-31. Конечно, тогда я и не подозревал, что у большевиков, кроме писателей-сменовеховцев - Вересаева, Пильняка и других, много лгущих русским труженикам о Махно и махновщине в своих писаниях, найдутся свои партийные люди, которые обойдут правдивые документы об отношении Махно и махновщины к еврейским погромам. Теперь же то, что я меньше всего ожидал, я вижу у Кубанина на страницах его книги. И я говорю:

Совершенно неверно в утверждении Кубанина, что Дыбенко требовал от меня наказания т. Дерменжи за устройство погрома. 1) Когда убийство еврейских семей в колонии Горькой случилось (это было в ночь под 12-ое мая 1919 г.), я командовал уже дивизией и подчинялся в оперативном отношении не Дыбенко, а штабу 2-й красной армии непосредственно и, следовательно, Дыбенко ни в каком случае не мог предъявлять мне своих требований. 2) Т. Дерменжи - этот честный, безымянный революционер еще с броненосца «Потемкин», в 1919 г., не был членом моего штаба и родом он не из с. Ново-Успеновки, успеновцами, вышедшими из строя армии на месячный отдых по смене их другими бойцами, не мог руководить, да еще в учинении погрома. Дерменжи, будучи начальником полевой телефонной и телеграфной связи, из линии боевого фронта не выходил и не мог быть даже возле колонии, т.к. фронт находился от этой колонии на 75-90 верст впереди. Наконец, 3) участники разгрома колонии Горькой - все 15 человек во главе с волостным комиссаром, по моему распоряжению, в тот же день были разысканы и переарестованы.

Всех их судила особая комиссия из пяти человек - из 3 повстанцев-махновцев, комиссара от политбюро красной армии т. Петрова и информатора при Петрове некоего Николая Чубенко (брат анархиста Алексея Чубенко).

Комиссия решила было отправить всех участников в разгроме колонии Горькой на фронт, где бы они искупили свою вину храбростью в борьбе с Деникиным. Но, так как решение комиссии подлежало моему просмотру, то я, ознакомившись с ним, с решением комиссии, не согласился и настоял на пересмотре этого позорнейшего дела, совершенного на освобожденной земле, с моим участием, как докладчика по существу самого дела и относительно тех, кто его совершил. Дело было пересмотрено. Во время моего выступления перед комиссией, я настаивал на

расстреле всех главарей среди этих 15 чел., разгромивших колонию. Мои мотивы были мотивами революционера-анархиста, сознававшего свою идейно и организационно руководящую и ответственную роль на посту прямых дел миллионного украинского революционного крестьянства. Они мною изложены были 13 мая на заседании комиссии по разбору этого дела и перед собранием гуляй-польских крестьян в момент, когда совершивших разгром колонии повстанцы усаживали на автомобиль, чтобы вывезти их на окраину Гуляй-Поля и убить их, как убийц, рвавших и топтавших невинные жизни еврейских семей колонии Горький.

Тяжелый был этот акт, но в обстановке той действительности, в которой нам, махновцам, приходилось действовать, он был к месту, и о нем знали и мои друзья и враги. И только еврейским общественным и политическим дельцам в СССР, как и по заграницам, и Кубанину об этом почему-то до сих пор неизвестно. И они, и он позорнейшим образом измышляют разного рода гнусности об антисемитском и погромном характере махновщины и поощрении всего этого самим Махно, приписывают чужие преступления лучшим крестьянским революционерам и всюду с утонченным иезуитским мастерством лгут на них.

Правда, Кубанин, чувствуя, видимо, себя человеком, по достоинству партией избранным и призванным написать - в лице его книги «Махновщина», документ к изучению истории Октябрьской Революции и своей партии, спешит, на стр. 165-й, отделаться от этой сознательной лжи своей на т. Дерменжи, следующим заявлением: «Все же, несмотря на эти одиночные факты, все движение в целом не являлось антисемитским. В махновской армии не было таких грандиозных погромов, которые организовывала в этот период петлюровская армия, по прямому распоряжению своего командования».

Спрашивается, почему гр. Кубанин прибег в последнем случае к передержке того, в чем сам, несколько строк выше, нас обличал?

Все это ему понадобилось в данном случае для того, чтобы искусственно разделить и более грязно очернить революционный дух и связанный с ним трудовой характер махновщины и последующие за 1918 и 1919 г.г. - годы ее деятельности. Это ему понадобилось, чтобы, с одной стороны, показать читателю свою объективность, а с другой стороны, чтобы легче катиться самому и звать катиться за ним других по неверным, ложным путям к изучению махновщины и ее роли в Революции на Украине. К этому он идет через следующую басню:

«Но совершенно иначе (читай - чем в 1918-19 г. Н.М.) обстоит

дело в 1920 году, когда надежды на создание своей обособленной махновской республики были разбиты и из махновской армии уходят разочаровавшиеся движением идейные представители анархизма - Барон, Марк Мрачный и

т.д.

В 1920-м году махновский штаб, во главе со своим руководителем, обращается лицом к украинской шовинистической интеллигенции. Оставшиеся в армии анархисты во главе с Аршиновым и Д. Поповым (бывш. эсером) слабы, чтобы противостоять напору шовинистической идеологии, завербовавшей себе сторонников в значительной части штаба, во главе с женой Махно».

Большей глупости уже не нужно, чтобы верить сказкам и по ним определять обращение штаба махновщины лицом к шовинистической интеллигенции, слабость анархистов бороться с напором шовинистической идеологии, во главе с женой Махно и т.п. Однако, у большевистского писателя, действующего на пути изучения истории Революции и своей партии, и глупость сходит за серьезный критический ум в разборе серьезных дел. Он ее комбинирует по указаниям и в интересах своей партии так, что она в глазах не одного даже нейтрального читателя может приобретать историческую ценность.

На каком же основании эта глупость большевика является бесценностью в наших глазах, -видно из нижеследующего:

Социальная природа махновщины основана на классовых антагонизмах современности с революционно-анархической точки зрения. Целями Махновщины на пути революции были - реальная свобода и независимость трудящихся как в делах развития революции, так и в делах строительства на ее пути нового общества, во внутреннем состоянии которого, с точки зрения махновщины, все люди должны быть свободны и равны между собой. Все они группируются между собою, независимо от опеки государства и его полицейских институтов, в союзы-коммуны согласно своим наклонностям, интересам и общественным и личным надобностям. И все сообща с сознанием ответственности за нарушение общественного и личного благополучия всех и каждого в стране, обеспечивают свободу и социальную справедливость в равной мере и степени за всеми, за каждым отдельным человеком.

На этом пути, и в жажде привить широкому, трудовому украинскому населению живые ростки этого идеала, махновскому штабу во главе с его руководителем, не зачем было обращаться лицом к шовинистической интеллигенции. Авангардом махновщины, как социально-революционного движения широких

украинских трудовых масс, были крестьяне, рабочие и та часть трудовой интеллигенции, которая в украинско-русской действительности не пошла за течением контр-революции, которая сознавала за крестьянами и рабочими право на изгнание из их тела бездельников-паразитов и которая считала своей прямой обязанностью помогать крестьянам и рабочим в их прямой борьбе за воплощение этого права в практику жизни и деятельности социальной революции, - этого единственного реального средства для освобождения человечества.

А Кубанин берет факты из стремления Махновщины добиться от большевизма широкой автономии местности, и перефразировывает их в своих партийных интересах, благодаря чему он только глубже залез в, частью чужую, частью же им самим выдуманную ложь.

То же самое с ним, Кубаниным, творится, когда он утверждает «о разочаровании и уходе из махновской армии идейных анархистов - Барона, Марка Мрачного (Барона Совет движения Махновщины попросил удалиться из его состава, и он уехал себе в Харьков, а Марк Мрачный никогда в Движении не был. Н.М.) и т.д. (читатель под этим « и так далее» должен разуметь пустое место. Н.М.) и слабости оставшихся анархистов в армии во главе с т. Аршиновым и Поповым, чтобы бороться с «напором» шовинистической идеологии, завербовавшей - по выражению Кубанина - значительную часть штабных, во главе с женой Махно.

Я заявляю, что Кубанин залез по уши в ложь и здесь, потому что для меня и для всей руководящей махновским движением крестьянской группы анархистов-коммунистов известно, что т. Аршинов, как и большинство русских и украинских анархистов того времени, жил нелегально где-то в городах. А когда он прибыл в армию, тогда т. Попова в армии не было, - он был делегирован с т. Куриленко в Харьков в качестве временного представителя от армии махновцев при реввоенсовете южного фронта.

Что же касается жены Махно, то я должен сказать, что она, будучи человеком совершенно не политическим, ни к каким политическим группировкам ни до революции, ни во время революции не принадлежала и мало разбиралась в их целях и, тем более, в их коренных идейных расхождениях и взаимной борьбе. Она в штаб не входила и со стороны никакого идейно-политического влияния на моих помощников оказывать не могла, даже, если бы она действительно была в то время сторонницей петлюровской или какой либо другой формации шовинизма и стремилась бы к тому, чтобы формулировать ее и поддерживать

среди бойцов армии.

Но такой она не была и к этому не стремилась.

IV.
ДНЕВНИК ЖЕНЫ МАХНО. ПОКАЗАНИЯ «ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ» МАХНОВЩИНЫ. ПОКАЗАНИЯ «ТЕОРЕТИКА» ЕДИНОГО АНАРХИЗМА НЕКОЕГО ВОЛИНА (ПО КУБАНИНУ) БОЛЬШЕВИСТСКИМ ВЛАСТЯМ ПРИ АРЕСТЕ ИМИ ЕГО.

Как известно, у большевиков, судя по их заявлениям, имеется дневник «жены Махно». Дневником этим большевики пользуются так, как это оправдывается их целями и задачами, связанными с тем, чтобы как можно чернее представить перед массами махновщину и ее руководителей, как можно грязнее запятнать ее и, тем самым, нанести ей, прежде всего и главным образом, удар с идеологической стороны, как революционно-освободительному антигосударственническому движению украинских трудовых масс. Пользуются большевики дневником этим под различными авторскими именами.

Так, например: некий Я. Яковлев, автор известной по своей лживости, направленной против анархизма, брошюрки «Анархизм в Великой Русской Революции» пользуется этим дневником, как дневником жены Махно - *Феодоры Гоенко.* А М. Кубанин меняет годовую дату этого же самого дневника и пользуется им, как документом жены Махно - Галины Кузьменко.

Я лично знаю, и знают мои близкие, и сама Феодора Гоенко знает, что она женой моей никогда не была. Только преступно-политический авантюризм большевиков мог толкнуть их на то, чтобы приписать мне Феодору Гоенко в жены и использовать этот злополучный «дневничек» под ее именем против меня лично и против целого движения, - использовать его под этим авторским именем для того, что бы затем самим же заменить это имя другим, без всяких пояснений; вместо пояснений, они поставили другую, на год более позднюю дату о происхождении этого «дневничка», чуть не с прямым призывом к читателю: *смотри, это новый документ против Махно и махновщины. Его автор - новая «жена» Махно - Галина Кузьменко.*

Такое, поистине антиреволюционное, партийно-жульническое поведение большевиков в их передержках и разного рода подтасовках в данном вопросе, с данным «дневничком», определенно говорит за то, что большевики, получив «дневничек» это в свои руки, менее всего думали о его глупом содержании, о том, чтобы выяснить, - кому он в действительности принадлежит, кто его автор. Они решили использовать его худшие стороны со своими красками, поэтому, не стыдясь самих себя, постарались выдумать ему автора в лице, наиболее близком к Махно. Не зная имени и фамилии жены (по их выражению) Махно, они напали на имя Феодоры Гоенко и, экспромтом, окрестив ее женой Махно, приписали ей этой злополучный «дневник».

Держась этих своих партийных целей, большевики, конечно, не задумывались ни над тем, чем была Махновщина в действительности, какую роль она играла в общем процессе Великой Революции, в защите этого процесса (и в каких условиях!) от контр-революции. Не трогали их и их союзы с этим движением и их преступления в отношении к самому процессу революции. Их захватила и воодушевила глупость в этом «дневничке» и то, что автор его (это видно из выдержек, представленных нам большевиками) делал в нем свои записи не только без рассуждений, но и без точной осведомленности о всем том, что он записывал сюда. Но этой глупости «дневничка» большевики решили и до сих пор ездить.

Такое поведение большевиков в данном случае обнажает перед нами то, что в их верхах в отношении Революционной Махновщины всегда отсутствовала и революционная честь, и партийная ответственность. Отсутствие последних в жизни и деятельности большевистских верхов именно и помешало им постараться о том, чтобы снабдить свою партию вообще порядочностью, в частности, и для обсуждения этого глупого «дневничка» «жены» Махно. А это ведь было нужно, раз уж они решили кричать об этом «дневничке», писать всевозможные выдержки, якобы из него, в своей прессе, давать их разного сорта рассказчикам и баснописцам и по ним «изучать» махновщину и ее роль в Революции.

Однако, вернемся к существу самого «дневничка» или, вернее, к выдержкам из него, которые М. Кубанин, следуя за Яковлевым и другими своими товарищами, представляет нам в своей книге «Махновщина». О них именно я считаю своим долгом кое-что сказать.

Первое. Я категорически заявляю свое опровержение того, что большевиками цитируется, якобы из этого же «дневничка», что будто бы я, руководя таким грандиозным движением, как

революционная махновщина, имел привычку напиваться до пьяна, ходить по селу или деревне с гармошкой, наигрывая на ней на утеху себе и жителям. Я на гармонии не играю и никогда в жизни не играл, хотя и люблю послушать ее, когда на ней играет хороший мастер.

Еще с большей категоричностью я опровергаю то, что (опять-таки согласно дневничка) большевики утверждают, будто бы повстанцы махновцы - эти безымянные революционные борцы - добровольцы в армии движения Махновщины - получали жалование по 1000 руб. или вообще жалование.

В Революц. повстанческой армии Украины (махновцев) жалование повстанцам практиковалось большевистским командованием, когда мы сообща держали фронт революции против Белого Дона и Деникина (весною 1919 г.), и когда большевики старались жалованием убить в повстанчестве дух добровольчества и вольности и разложить его или перетянуть на свою сторону под непосредственное свое командование.

На съезде повстанцев и их командования в г. Мариуполе по вопросу о жаловании, я сделал доклад и повстанчество сурово осудило принцип жалования и никогда им не пользовалось и не поддерживало восстановления его.

Не знаем мы, махновцы, и таких случаев, чтобы один из преданнейших движению, один из лучших моих помощников в руководительстве им - Семен Каретник напивался до пьяна и специально по пьянке садился на первый попавшийся пулемет, когда части стоят на отдыхе, и палил из него по месту расположения или по деревне.

В практике Семена Каретника, как и у всех моих помощников вообще, которые погибали на своем посту и заменялись другими, было правило, унаследованное ими от меня: *Будучи на руководящем боевом посту, ни на кого целиком не полагаться в вопросе о состоянии вооруженных единиц, перед выступлением в поход. Всегда осмотри их, проверь сам.* Особенно, правило это практиковалось у нас в отношении тех пулеметных единиц, которые во время переходов и походов, должны были следовать вместе со мной в авангарде всех сил армии. Семен Каретник в таких случаях обязательно проверял эти единицы, в особенности в зимнюю пору, когда слабое охлаждение в них могло замерзнуть. Проверял он их потому, что хорошо знал меня, что я, идущий далеко впереди армии, на случай встречи с врагом, не буду поджидать главных сил армии, а по чисто боевым соображениям, чтобы не дать врагу своевременно осмотреться и подготовиться, согласно своему и нашему положению, брошу свои части на него, хотя бы это стоило больших жертв в начале схватки именно нам,

а не врагу...

Вот в этих-то случаях Семен Каретник проверял обыкновенно пулеметы путем пристрелки из них по пяти и десяти патронов, часто сам. Номера их только смотрели на него и, когда нужно, помогали ему.

При таких случаях автор дневничка, оказавшегося удобным подспорием большевикам, для их «изучения» и «определения» революционной Махновщины, мог записать действия Семена Каретника, притом записать их без проверки или же с бессознательным злым умыслом, рассчитанным так себе, на всякий случай, на предполагавшихся неудачных практических результатах будущего в задачах движения Махновщины.

Во всяком случае, я лишний раз подчеркиваю то, что эти положения этого злополучного «дневничка» «жены» Махно ни в основе, ни в деталях своих, не содержат никакой истины, - они ложны. Фальсификаторская причастность к ним большевиков очевидна, в противном случае они давным давно положения эти сфотографировали бы и через печать дали бы их нам, благодаря чему можно было бы увидеть в подлинном свете ложь или их самих или же автора «дневничка». Но именно то обстоятельство, что большевистские верхи за 10 лет своего царствования в стране привыкли действовать успешно против своих подданных силами и средствами фальсификации, - это обстоятельство не позволяет им сфотографировать именно эти положения «дневничка» для печати, ибо они их наполнили своими выдумками, ложью, без которой бороться с нами они не могут. Это то, что делало их всегда лгунами в глазах широкой трудовой украинской крестьянской массы, которая определенно дала им, большевикам, имя «лгуны».

И это не из-за общей ненависти к их партийному политическому деспотизму. Нет, массы не впервые видят большевиков за ложью против махновцев и они так в их сообщениях изверились, что не верят уже им, когда они иногда пишут правду о чем или о ком нибудь.

Мне из Украины сообщают, что в большевистской прессе появились сообщения, что ты живешь во Франции, а крестьяне, читая их, говорят: «лгут большевики, Батько Махно ближе, он в Румынии и скоро переберется на Украину к нам...»

Это крестьянское недоверие к большевистским, в данном случае, правильным сообщениям, характеризует то, как большевики вообще в своей клеветнической кампании против меня и движения Махновщины заврались перед трудовыми украинскими крестьянством *(sic! - А.Д.)*.

Далее, гражд. Кубанин вводит в свою книгу «списочек», поданный большевистским властям, якобы «представителями» Махновщины, какими - не известно.

Содержание его следующее:

«II-XII-1920 г., в селе Андреевка, по распоряжению Махно было изрублено до 30 человек отряда из комнезаможников и сотрудников Бердянской «чека».

«14-Ш-1921 г., в Мелитопольском уезде, в с. Рубашевка, по распоряжению Зинковского и жены Махно, убит комнезаможник и три милиционера.

«30-III - в селе Вербовое Больше-Токмакского уезда, по распоряжению Зинковского и Галины (жены Махно) убит один предкомисзаможных *(sic! - А.Д.)* и два совработника...

Из этих трех пунктов «списка», я первый пункт оставлю в сторону; так как к нему я вернусь специально.

На второй пункт, именно от 14 марта 1920 года, и на третий пункт от 30 марта, скажу, что они ложны, потому что они составлены на стержне от действий той группы повстанческих войск, при которой находился Зинковский и жена Махно (читай - члены следственной комиссии. Н.М.). 10 марта ночью Галина Кузьменко, вследствие усталости, осталась на отдых в одной из немецких колоний, возле Новоспасовки и, следовательно не занималась делами комиссии 14 марта.

14 же марта, сводная группа повстанческих войск приняла лихую контр-атаку против 9-й красной кавдивизии под местечком Комары Мариупольского уезда.

Это расстояние более 100 верст от с. Рубашевски Мелитопольского уезда. В этой, руководимой мною непосредственно, контр-атаке (красному командованию это хорошо известно), я был тяжело ранен, и Зинковский, как начальник личной моей охраны, в это время находился при мне. Следовательно и в комиссии он не разбирал никаких дел, а тем более на 100 верст от меня.

Тоже самое должен сказать и о третьем пункте списка. 30 марта группа находилась в районе *Гришино-Изюм.* Галина Кузьменко в Новоспасовке на отдыхе. Это тоже расстояние отделяющее одно место от другого на добрых 120-140 верст. Прямого телефона между ними не было, чтобы армейская следственная комиссия сговаривалась с Галиной Кузьменко по своим делам. Так же самое и при Кузьменко не было партизанского отряда, который летал бы на крыльях из Новоспасовки в село Вербовое, расстояние между которыми в 69, приблизительно, верст, и мог привести ей оттуда предкомнезаможных и совработников, чтобы она, сговорившись с

Зиньковским, местопребывание которого она каждый день не могла знать, и вместе с ним распорядилась бы убить этих совработников.

Из этого факта явствует то, где и кем эти пункты «списочка» составлены. Однако, Кубанин в них усмотрел (вероятно по приказу Г.П.У.) отношение Махновщины к труженикам деревни и города и подчеркивает, что это и есть *«отношение кулаков к активно выступавшей против них бедноты...»*

И чтобы не быть голословным, чтобы прикрыть свою партийную подлость он тут же возвращается опять к дневничку «жены» Махно (о котором в начале главы я уже говорил, что Яковлев пользуется им, как документом «жены» Махно Ф. Гоенко и за 1920 год, а М. Кубанин пользуется им как документом «жены» Махно Г. Кузьменко и за 1921 год) и говорит: «сухо и деловито описывает об этом жена Махно в своем дневнике»:

«23 февраля 1921 года, рано утром, часов в 10, наши хлопцы захватили двух большевистских агентов, которые были расстреляны».

«25 февраля. Переехали в село Маерское. Здесь поймали трех агентов по сбору хлеба, их расстреляли». и т.д.

Об этих пунктах «дневничка» «жены» Махно (как большевики выражаются) я скажу лишь одно: будет благоприятное время для выпуска в свет моих полных записок, я восстановлю в них с точностью почти, что день-за-днем, конец 1920 и - до осени 1921 г. факты о действиях и местностях, которые, где и в каких формах были проявлены главными силами революционно-повстанческой армией Украины (махновцев), в отношении большевистских агентов, шпионов и провокаторов, вообще, и к войскам красной армии, в частности. Теперь же я считаю лишь себя морально в праве сказать гражд. Кубанину, что он разнуздался в пользовании злополучным «дневничком» настолько, что свалил все в нем в одну кучу своих грязных замыслов против движения Махновщины и, в частности, против меня лично. В феврале месяце 1921 года, в с. Маерском повстанческие войска, в особенности из главных их сил, при которых я всегда находился со штабом, ни одного раза не останавливались. Повторяю: здесь умышленное спутывание времени, спутывание, которое «красное» командование красных войск, сражавшихся в эти месяцы против руководимого мною революционного повстанчества, при желании восстановить историческую правду, не выгодную для лживого Кубанина, может то же самое подтвердить, ибо ему хорошо известно то, в каких районах оно концентрировало силы красных армий для окружения армии повстанцев-махновцев и где именно в эти

февральские дни ***1921 г.*** главные части революционного повстанчества и части красных армий взаимно рубились. Итак, я возвращаюсь к самому существенному:

Отрицали ли когда-либо повстанцы-махновцы то, что они на своем пути уничтожали иногда большевистских агентов по продразверстке, а также милиционеров и председателей комнезаможных? - Я заявляю - нет! Повстанцы-махновцы никогда этого не отрицали и не намеревались отрицать. Наоборот, они всегда говорили - да, мы агентов по продразверстке убивали, да - мы председателей комнезаможных кое-где на своем пути расстреливали, как расстреливали мы так же и только кое-где и милиционеров. - Но расстреливали мы их совсем не за то, что они агенты по продразверстке, председатели комнезаможных и милиционеры из рядов бедноты. Махновцы сами представляли сплошную. бедноту. Да и не из одной бедноты составлялись и состоят агенты большевистской диктатуры. Мы уничтожали иногда всех этих агентов только за их гнусное издевательство над трудовой частью населения деревни, за их провокаторскую роль в деревнях в отношении тружеников, относившихся отрицательно к насилию и грабежу власти вообще, как таковой. За выслеживание и указание чекистским отрядам, лежавших по деревням, раненых и больных махновцев и сочувствовавших Махновскому движению тружеников-крестьян, мы их уничтожали.

Для общества зарождавшегося и «расцветавшего» под пятой чекистов, нужны были провокаторы. А трудящимся, увидевшим, что провокаторы - это зло, они не нужны были. Они провокаторов ненавидели, а последние им мстили, выдавая их за злостных врагов революции в лапы наезжим чекистским отрядам, которые их сразу же хватали и, способных к ношению оружия, убивали и выбрасывали где либо в поле в канавы или запирали в тюрьмы и там уничтожали, не заботясь о восстановлении того, насколько эти труженики деревни были активны в своем сочувствии махновскому движению. Наоборот, вместо выяснения этого, чекистские отряды, будучи обмануты властью партии, еще более стервенели и вслед за уничтожением старшего члена семьи, конфисковали все ее имущество и сжигали двор.

За предательство и разного рода провокацию махновцы не щадили ни богатых, ни бедных. И это потому, что с точки зрения Махновщины, какое бы новое общество ни строилось на месте современного прогнившего рабством общества, - все равно - новому свободному обществу предатели и провокаторы не нужны. Свободному обществу нужен труд и всестороннее для всех и каждого, затрачивающего на этом пути свои силы, одинаково равное право участия, как в построении этого общества, так и в

пользовании всеми достигнутыми через него благами его.

Большевики же наоборот, представляли себе, что строить новое общество де должны все жители политически подвластной им страны, но пользоваться его благами полностью могут только они - их партия и ее послушники, рабы. Это сугубо ложное представление об идее рабочего социализма-коммунизма, которой большевики все время революции прикрывались, привело их к тому, что для жизни системы их большевистско-коммунистического общества, по крайней мере в процессе ее формирования и развития, нужны предатели и провокаторы. И большевики в русской революции будучи организованно сильными, а идейно хорошими иезуитами, быстро сделались рассадниками на теле революции нужных их власти предателей и провокаторов. За счет деятельности провокаторов они, большевики, как сила государственной власти, опутали всю бедноту. Следовательно, поскольку мы боролись с большевистской системой власти, мы боролись и с ее носителями, с агентами этих носителей и со всей их вооруженной защитой. Однако, в своей борьбе с ними мы не знаем таких случаев, чтобы всех их подряд хватать и группами или в одиночку, ставя под пулеметы, расстреливать. Между тем мы имеем данные о том, как большевистские отряды хватали крестьян-махновцев и расстреливали именно в таком порядке, даже когда эти крестьяне складывали перед ними свое оружие.

Повстанцы-махновцы арестовывали большевистских агентов - милиционеров и председателей комнезаможных, - чаще всего по заявлению населения на них, как на врагов его прав на свободу и независимость. И то мы через следственные комиссии обыкновенно опрашивали арестованных и трудовое население о том, что эти агенты большевистской диктатуры делали против него в данной местности. И арестованные освобождались нами с предупреждением, что, если второй раз на этом посту за этим гнусным, противореволюционным делом они нам попадутся, то они будут расстреляны.

Бывали случаи, когда захваченные большевистские агенты расстреливались тотчас же, когда были опрошены штабом, но к этому элементу относились только военные контр-разведчики и агенты карательных отрядов и их органов.

Гр. Кубанин утверждает, что в с. Андреевке 11 декабря 1920 года были расстреляны по моему распоряжению Бердянские чекисты с отрядом до 30 человек комнезаможников. Но, я знаю, что 11 декабря 1920 года, я, с главными силами перешел через Алексеевку-Берестовая и остановился в с. Новоспасовке. А 12 декабря занял г. Бердянск и лишь 14 декабря я занял с.

Андреевку, где никакой отряд нам не попадался в то время. Здесь был бой с 42 и 40 дивизиями красной армии, в результате которого (красному командованию это хорошо известно) махновская пехота и кавалерия атаковала и пленила 42 дивизию целиком, а 40 на половину, и, обезоружив их, ночью ушла в с. Конские ***(sic! -А.Д.)*** Раздоры, где также захватила все снабжение 42 пехотной и 9 кавалерийской дивизии и остановилась на отдых.

Но что же за чушь городит после этого гражд. Кубанин, опять спросит меня читатель?

Кубанин, в данном случае, сознательно лжет, чтобы затушевать перед трудящимися преступление бердянского отряда, который Кубанин называет отрядом комнезаможников и который по распоряжению моему действительно был окружен в с. Андреевке весной 1921 года и уничтожен.

История этого отряда такова. Он всю зиму и весну 1921 г. разъезжал по уезду и вылавливал лежавших по селам и деревням раненых махновцев. В одной из своих очередных облав в с. Новоспасовке отряд этот наткнулся в одном доме на жену старого повстанца, у которой в люльке находилось нескольких месяцев от роду дитя.

Забиравшие мать этого младенца во двор, чтобы поставить ее к стенке и убить, пьяные чекисты самого младенца не взяли, и лишь когда приготовились убивать его мать (за то только, что она жена повстанца-махновца) они вспомнили, что есть еще дитя. Они быстро вынесли этого младенца из дому и дали матери на руки.

Волнуясь и рыдая за судьбу младенца, мать его крепко прижала к своей груди. В это время зоркий глаз начальника чекистов приказал стрелять и в нее и в младенца ***(sic! - А.Д.)***. В результате -залп и мать упала с разорванным пулями своим младенцем.

И начальник, и рядовые бердянские чекисты, оставив их лежать возле стенки сарая, ушли со двора. Но соседи их подобрали. И оказалось, что мать тяжело ранена в грудь, а только дитя разорвано пулями. Факт этот ничем большевики опровергнуть не смогут.

Получив сведение об этом злодеянии бердянских чекистов в с. Новоспасовке, я распорядился выделить особый отряд из группы т. Куриленко и во что бы то ни стало словить отряд чекистов.

Долго т-щу Куриленко не удавалось поймать этот чекистский отряд. Но вот в этот район заехала сводная группа повстанческой армии под командой т. Петренко, при которой находился в это время я и штаб движения. Петренко узнает, что отряд бердянских чекистов находится в районах Андреевка-Поповка. Я сделал

распоряжение одной из частей этой сводной группы сделать ночной переход в направлении точного местанахождения этого чекистского отряда и во что бы то ни стало словить его.

Отряд бердянских чекистов был настигнут на рассвете под селом Андреевка и в этом же селе, спустя час был атакован и на улицах Андреевки был почти весь перебит.

Я лично участвовал в окружении этого отряда, а затем и в атаке на него. Живыми из него попались нам лишь считанные хитрецы, прятавшиеся от повстанческих сабельных ударов, рассчитывая, что мы их примем в свои отряды, и они таким образом, спасут свои подленькие продажные душонки, а при удобном случае, очутятся снова в Бердянске в чека. Я сам выслушивал из уст этих людей сведения о их действиях вообще по району против махновцев и сочувствующих махновцам крестьян. А когда им было заявлено, что мы ведь не махновцы, мы буденовцы, атаковали их, думая, что они махновцы, и в подтверждение этого обратили их внимание на буденовские шапки и звезды на атаковывавших их бойцах - то эти чекисты совсем распоясались и подробнейшим образом рассказали нам о бандитских злодеяниях в с. Новоспасовке, коими они и их друзья разорвали и топтали жизнь нескольких месяцев от роду дитя, вместе с его матерью, только за то, что его отец был повстанцем-махновцем, не преклонившимся перед ложью ленинизма из-под знамени чекистов в худшем смысле этого слова; перед ложью, которой чекисты, следуя заветам полиции вообще, хотели и стремились заразить все крестьянство и, таким образом, отравить его ядом преступной власти. Но не смогли. Отец разорванного дитяти был упрямый мужик в своем дерзании бороться и жить, жить и бороться во имя своей и других свободы и независимости, которые сами же большевики вместе с нами поддерживали первые месяцы Революции в народе, а в это время уже топтали их.

Суд и над этими попавшимися нам живыми, в атаке не изрубленными негодяями, был краток. Они были тут же на улицах с. Андреевки перебиты. Но Кубанин бесчестно старается отвести в сторону себя и самый отряд от времени его действий в с. Новоспасовке. Он описывает акт его уничтожения, как акт кулаков, направленный против бедноты.

Я, лично, сомневаюсь, чтобы в большевистской «ч-к», вообще, и в бердянской и ее отряде, в частности, были сплошь комнезаможники, беднота. Но если допустить, что это так - отряд бердянской чрезвычайной комиссии, уничтоженный отрядом революционных повстанцев-махновцев, состоял исключительно из бедноты; то к такой бедноте, за такие ее преступления, какие она под наускиванием и руководительством партии большевиков

совершала по отношению бедноты же, не признавшей за большевизмом-ленинизмом права водворять свои принципы в ее жизнь произвольно, путем физического уничтожения инакомыслящих, чем большевики, о целях и практических задачах Революции; за такие преступления этой части бедноты, другая, непошедшая за большевизмом-ленинизмом часть бедноты, должна была быть беспощадна к ней. Беспощадность эта диктовалась и диктуется всегда самой жизнью и на том основании, что беднота вся, как класс трудящихся, признана всеми революционерами, всей лучшей частью культурного человечества, той силой, через здоровый путь культурного и технического развития которой только и можно реально достигнуть побед в Революции, на пути практической замены эксплоататорского буржуазно-капиталистического общества - свободным обществом тружеников. А беднота, на силу которой обращаются все взоры, как силу прямо заинтересованную и неизменно преданную делу освобождения всех и каждого человека на земле, беднота, на которую возлагается такая великая историческая миссия, как играть роль освободительницы, а не поработительницы человечества, не должна разъединять свои силы по прихоти партии. Беднота, как класс трудящихся, должна уметь не только сохранять силы своих рядов, но и уважать и защищать в них принципы жизни, и впервую очередь из них - принцип свободы и равенства мнений.

В Великой Русско-Украинской Революции партия большевиков сознательно топтала эти принципы, а обманутая и порабощенная ею беднота топтала их бессознательно. А это то, что привело их вместе к тому, что они, мало над чем задумываясь, продолжают топтать их и до сих пор, когда жестоко борятся со всеми, кто осмеливается протестовать против этого. Анархисты и шедшая за ними беднота первые восстали против иезуитизма большевиков по отношению к принципу свободы и равенства мнений в жизни Революции. Они первые же и подпали под опалу партии большевиков и ее власти. С ними первыми большевики начали бороться так, как мир социалистических идей никогда в своих учениях не помышлял. Только большевики нашли методы искусственно создавать против своих вчерашних друзей преступления и по ним обвинять их и уничтожать.

Естественно, что на вызов - были ответы. Это создало тяжелую атмосферу среди трудящихся. Но трудящиеся с той и с другой стороны не были к создавшемуся положению равнодушны. В разрешении его они принимали участие. Именно это и создало то, что беднота под знаменем революционной Махновщины так жестоко отвечала на каждый удар по ее целям в Революции, по ее

жизням в защите этих целей, со стороны обнаглевшей большевистской власти, - своими ударами.

Одним из этих ответных ударов махновцев в сторону сил большевистской «чека» именно и был удар по бердянскому чекистскому отряду из комнезаможников, как Кубанин это сам подчеркивает.

Я, лично, не отрицаю жестокости в этом ударе повстанцев-махновцев по бердянским чекистам, но он был вызван худшими ударами со стороны чекистских отрядов и красной армии, по повстанцам-махновцам, по широкой, крестьянской, трудовой массе, поддерживавшей идеи Махновского движения, по ни в чем не повинным детям этой крестьянской массы.

***

Далее, гр. Кубанин касается в своем сочинении махновской контр-разведки. Он не говорит, конечно, что контр-разведка махновской армии была органом, обслуживавшим только армию, только ее опер. задания в революционной борьбе. Наоборот, он силится доказать, что махновская контр-разведка была органом на подобие их, большевиков, В.Ч.К., но несравненно худшим по своим действиям. И как на наиболее веские доказательства этого, он ссылается на показания о махновской контр-разведке «теоретика» набатовского анархизма Волина (В. Эйхенбаума) следователю ревтрибунала красной сов. армии № 14 во время его ареста.

Подлинные эти волинские показания, по книге Кубанина, следующие:

> «По поводу злоупотреблений, чинимых контр-разведкой армии Махно, - говорит в своем показании следователю ревтрибунала 14-й советской армии Волин, - я ничего не знаю; но ко мне приходили целые вереницы людей с жалобами, что заставляло меня постоянно вмешиваться в дела контр-разведки и обращаться к Махно и в контр-разведку. Но боевая обстановка и задачи культпросветительной работы мешали мне глубже вникнуть в злоупотребления, по словам жалобщиков, контр-разведки. Все же беспрерывные жалобы принудили меня предложить реввоенсовету создать комиссию по выяснению дел, возникающих между населением и контр-разведкой. Из-за контр-разведки у меня были конфликты с Махно и с тем же Зинковским. Для меня контр-разведка была ужасом, и я делал все зависящее, чтобы прекратить чинимое ею».

Таково (по Кубанину) показание Волина большевистским

властям. Несмотря на сходство стиля и выражений в этом «документике» с волинскими, я, лично, сомневаюсь все-таки, что это есть показание Волина. Я знаю Волина и знаю, на что он способен, однако, думаю, что Кубанин занимается фальсификацией в отношении его. Мне почему-то кажется, что Волин не настолько жалок, чтобы мог, попавшись в лапы большевистских властей, сделаться таким подлым субъектом и так подло информировать эти власти о контр-разведки, услугами которой он всегда любил пользоваться, будучи в армии махновцев. В сопровождении лучших из контр-разведчиков в махновской армии, Волин уехал в ноябре 1919 г. из армии на район, где и сдался в плен именно 14 красной армии. Более того, Волин за счет контр-разведки армии махновцев завоевал или, по крайней мере, пытался завоевать, у главарей екатеринославского большевистского губпаркома (sic! - А.Д.) репутацию себе. Ведь это он, Волин, приводил главаря большевистского, некоего Орлова, ко мне в кабинет и просил вместе с ним меня выдать от имени штаба армии, за моей подписью, Орлову мандат на извлечение большевиками раскрытых в особняке князя У-ва, сбежавшего в стан деникинщины, каких-то ценностей и больших денежных сумм, на идейные нужды большевистского губернского комитета. Этот же самый Волин просил меня вместе с Орловым распорядиться по контрразведывательным отделам армии, чтобы они или приняли участие по извлечению всего этого или же были в курсе дела, что в этом особняке будут работать именно большевики, а не деникинские агенты, и чтобы их не заподозрили, вместо деникинских агентов, и не схватили.

Тогда я категорически отказался выдать им, Орлову и Волину, выпрашиваемый у меня мандат за моей подписью, и Орлова отпустил, а Волину сделал соответствующее замечание за его политическую и революционную нетактичность, выразившуюся в его отношениях с Орловым, да еще на почве вымогания у меня мандата, которого я, как глава движения, стоявшего уже определенно в резкой оппозиции к большевистской власти, по многим мотивам не мог выдать.

Это достаточный аргумент для меня, чтобы не верить Кубанину, что приводимое в его книге под именем Волина показание против махновской контр-разведки, были подлинно показания Волина.

Но, в то же время, когда я, подходя к этому вопросу, и аргументируя свое мнение и недоверие к Кубанину, к его сообщению, что «документик» о махновской контр-разведке исходит от Волина -в это же время передо мною встают другие аргументы, говорящие совсем другое.

А именно:

Для меня абсолютно доказано, что Волин действительно был арестован и долго возим властями 14 красной армии. Следовательно, не может быть, чтобы он этими властями не был допрошен. Далее. Волин заверил уже здесь, за границей, окружающих его политических детишек в том, что он, Волин, боролся в махновской армии с какими-то «махновскими тюрьмами». Одно из \тих «детишек» как-то сболтнуло об этом перед иностранными товарищами в 1927 г. в Интернациональном Комитете Защиты анархистов.

Эти два аргумента говорят мне: какое же я имею право сказать все таки гр. Кубанину, что он занимается фальсификацией в отношении Волина, в связи с выше приведенным «документиком» о контр-разведке? Мы, анархисты-крестьяне, не можем так разбрасываться честью своей революционности. Мы бываем грубы, но мы всегда честны и можем говорить кому бы то ни было, что он лжет, имея неопровержимые данные на это.

На основании всего вышесказанного я окончательных выводов по поводу этого по Кубанину Волинского документа делать не буду. Кубанин, вероятно, постарается мой ответ на его и его партии лживость против махновщины и меня прочитать и, очевидно, сочтет нужным дать в прессе фотографический снимок почерка, которым писалось это волинское показание.

Тогда я и махновцы вообще сделаем свои выводы и касательно Волина в роли этих показаниях и касательно Кубанина в роли их использователя.

Теперь же я должен остановиться в нескольких словах лишь на самой контр-разведке нашей армии, так как вокруг этого органа армии сгустилось слишком много разного сорта красок, прежде всего, по вине самих анархистов и анархиствующих. Я считаю, что будет не лишним коснуться этого органа мне самому и именно в этом очерке; так как я чувствую себя в праве сказать о себе, что я был и остался чуждым заоблачных далей и в мыслях и в практической деятельности, чтобы там отыскивать анархические истины, а потому и могущему говорить об этом органе так, как этого требует истина.

Итак, что же такое контр-разведка махновской армии? - Какие ее функции? - Что она творила такового из-за чего - по приведенному Кубаниным волинскому показанию - Волину приходилось сталкиваться с Махно и с тем же Львом Зинковским (не известно, почему с Зинковским, который начальником арм. контр-разведки не был). Лицо, давшее показания следователю, ревтрибунала 14 советской армии, видимо, эти вопросы или не

освещало, или Кубанин не захотел их освещение использовать.

Так вот - контр-разведка махновской армии есть орган, который настолько был необходим для вооруженной борьбы Революции с вооруженной контр-революцией, насколько он был и неблагородным органом с точки зрения, конечно, слащавой, ничего с реальной жизнью не имеющей, идеализацией кабинетного анархизма. В обязанности этого органа махновской армии входил ряд практически задач, как то: разведывать в рядах противника о его силах, роде оружия этих сил, о их передвижениях и отношениях к населению данной местности и последнего к ним, о ближайших оперативных планах штабов, под каким именем, номером, под чьим общим и групповым командованием и в каких именно местах, при каких вспомогательных технического рода средствах подготовляется, согласно планам оперштабов, к действию и т.д. и т.п.

Всюду, всегда военно-революционные формирования, их оперативные штабы, коль скоро будут вызваны к жизни ходом событий (а в том, что они бывают и будут всюду к жизни вызываться, - я не сомневаюсь), они никогда не смогут обходиться без этих «неблагородных» органов.

Но контр-разведывательная работа этих органов необходима оперативным штабам не только для работы в зоне противника, - она необходима и в своей зоне, в особенности, в местах, расположенных близко от фронта. Штабы должны знать, и точно и своевременно знать о том, какую и какими силами ведет противник провокаторскую работу в расположении и около нашей фронтовой полосы. Какое впечатление производит эта работа на психологию масс. И группирует ли он и для чего именно группирует через своих секретных агентов вокруг себя массы. Наконец, если группирует, то где же именно. Все это контр-разведывательный орган в махновской армии должен был точно знать и давать своевременно о нем различные сведения в штаб, который мог бы во время парализовать эту деятельность противника у себя в тылу или прямо под боком.

На этом пути, за этой работой контр-разведывательные органы махновской армии были уполномочены на обыски в любом доме, расположенном в зоне военного положения и почему-либо заподозренном, а также на аресты и опросы людей, в особенности, когда таковые указываются населением или подозреваются контр-разведчиком в чем либо, касательно его, контр-разведчика, задач и, при запросе населения о нем, подозрение подтверждается. В последнем случае, ничто не могло спасти это лицо или группу лиц от задержания и производства у них самих и в их квартирах обысков, ареста и следствия.

На пути деятельности контр-разведывательных органов махновской армии бывали иногда ошибки, за которые приходилось болеть душой, краснеть, извиняясь, перед оскорбленными. Но из-за этого упразднять самые органы было бы сверх глупостью революционеров, взявшихся за дело великой борьбы трудящихся с капиталом и его слугою - государством, а вместо этого играющих в кошки-мышки.

Итак, контр-разведка махновской армии являлась, и при необходимости будет являться, - органом армии, необходимым для обслуживания армии. Она никаких своих отделов по районам живой деятельности мирного населения, занимавшегося строительством новой жизни, не организовывала и никаких инструкций - на подобие инструкций большевистской чека или деникинско-врангелевской контр-разведки - для населения не издавала.

Таково истинное существо контр-разведки и ее роли в махновской армии.

V.
РУКОВОДИТЕЛИ, УЧИТЕЛЯ И ВОСПИТАТЕЛИ

Касаясь движения Махновщины со стороны того, кто им руководил, Кубанин, по примеру марксистов вообще, старается искусственно умалить в крестьянстве его способности, совсем не понятные для многих Кубаниных и в анархических рядах, в которых крестьянство черпает свои силы, вынашивает с помощью их в себе революционные идеи и организационные начала на пути борьбы и защиты идей свободной общественности. Кубанин, держась марксовой догмы, отрицательно относится к крестьянству, как к классу, способному быть революционным (хотя оно революционно более, чем сам Маркс и Ленин были. Н.М.), игнорирует в нем то, что без равного содружества пролетариев города с крестьянством в делах революции, последняя не может полностью никогда восторжествовать в самой главной своей области - в хозяйственной, несвоевременное восстановление которой, согласно новым потребностям революционного района, области, целой страны, грозит гибелью и революции и тем, кто является прямыми носителями и защитниками ее идеи. По Кубанину, крестьянство - это элемент, неспособный сам что-либо организованно творить в Революции, и он с апломбом отмечает: «верховное военное руководство (махновщиной) находилось не в чисто крестьянских руках, а, что чрезвычайно интересно, в руках рабочих и полурабочих... Махно, организатор и единоличный руководитель армии, был рабочим-маляром на заводе, Белаш, железнодорожным машинистом, Чубенко - рабочим-железнодорожником (я бы сказал, что Чубенко - машинист. Н.М.), Аршинов, учитель и воспитатель Махно, бывшим рабочим... Головка Махновщины состояла из бывших рабочих в большинстве своем деклассированных».

Если бы этот вздор писал не большевик, можно было бы удивляться тому, что у людей под боком районы, где махновщины взяла свои начала, как живая революционная сила, и где имеется масса документов о том, как Махновщина зародилась и кто ее оформлял организационно и вооружал идейно и т.д., и т.п., и они все-таки путаются в тумане, они все-таки подменяют лиц, игравших ту или другую роль в движении, временами, и не всегда с захватывающим энтузиазмом. Но когда это пишет большевик и пишет по заказу своей партии, быть может, даже с указанием

плана и рамок его, тогда удивляться нечему, - партия не хочет сказать правды о том низовом революционно-освободительном движении, которое столь умело и революционно разбило на Украине контрреволюционную деникинщину, помогло красной большевистской армии разбить врангелевщину и петлюровщину. Но партия большевиков, ее власть, боясь, что это движение может явиться центром внимания пробуждающихся, замечающих контр-революционную роль на пути революции и ее, партии, и ее власти, оно может поднять эти массы и против них с таким же энтузиазмом и преданностью делу трудящихся, - эта партия поспешила провокаторским образом натравить против него своих слепых защитников в лице солдат внутренней службы и красной армии и затопить его в крови.

Так вот, вопреки всем болтунам, в том числе и Кубанину, я должен сказать совсем другое о представляемых ими руководителях и воспитателях движения Махновщины и Махно. Я должен сказать, что т. Белаш появился в движении Махновщины, когда оно уже было могучей организованной революционной силой, занимавшей целый ряд революционно-боевых участков против контрреволюционных сил Белого Дона, генерала Деникина, наступавших на Украинскую Революцию на Гришинском, таганрогском, Бердянском, Мелитопольском участках; и против таких же контрреволюционных сил, или, по крайней мере, поддерживавших в Екатеринославе формирование деникинских сил войск Украинской Директории во главе с атаманом Горобцом.

И еще позже появился в повстанчестве т. Аршинов, которого Кубанин и вообще ему подобные болтуны считают моим учителем и воспитателем.

Стоя во главе от начала и до конца революционной Махновщины и руководя ее авангардом -армией повстанцев-махновцев, я, конечно, старался стянуть в это широкое низовое массовое революционное движение, как можно больше анархических, мало-мальски знающих анархизм и его прямые задачи в революции, сил. Я радовался, когда некоторые мои идейные товарищи-анархисты появлялись в рядах повстанчества. Я ценил и уважал их. Я слишком близко допускал их к делам, которые в движении возлагались на меня, как на первого, среди равных вдохновителей и руководителей его, движения. Но поскольку появлявшиеся товарищи в армии повстанцев-махновцев выдавали себя временными людьми в ней, т.е., поскольку они в своем большинстве появлялись в рядах повстанчества неожиданно и также неожиданно всегда покидали их, повстанчество в массе смотрело на них, как на приходящий и

отходящий элемент в его рядах и мало в чем с ними считалось. Повстанческая крестьянская масса любила и доверяла тем из них, кого видела в своих рядах не только с хорошим словом, поясняющим задачи повстанчества в революции, но и с винтовкой в руках, умеющих, как и она, бороться и страдать при неудачах.

От этого зависело часто и мое и моих товарищей, стоявших со мною в авангарде движения, деловое отношение ко всем приходящим и отходящим товарищам из городов. Т.е., на определении в этих товарищах того, что они вдруг неожиданно появились в наших повстанческих рядах, не для отыскания в них временного удобного места от преследовавших их по городам разного рода властей, а для серьезной жертвенной работы, строилось мое и повстанчества в целом полное доверие к ним и старание дать им все средства для ведения нужной работы.

Так что рассуждать, на подобие Кубанина, что в революционно-крестьянское повстанчество мог каждый, кто только вздумал, залететь и руководить им, значит не понимать ни психологии повстанческой крестьянской массы ни того, что она давно перестала останавливаться перед каждым возомнившим себя ее учителем и снимать перед ним шапку.

Но вернемся к тов. Аршинову, как к учителю и воспитателю Махно, - конечно, по Кубанину и по «Кубаниным».

Касательно т. Аршинова я должен подчеркнуть следующее: Он приехал ко мне в конце апреля м. 1919 года и, в качестве моего личного секретаря, принял участие, главным образом, в тыловой работе нашей повстанческой организации. Благодаря его стараниям оказать посильную помощь повстанчеству и благодаря прямо моей и других товарищей гуляй-польской группы поддержке его в этом, он одно время проделал заметную работу в движении: он наладил выход повстанческой газеты «Путь к Свободе» и был одно время ее существования редактором. Он принял участие в организации культурно-просветительной работы в тылу армии, которая была создана т. Будановым и гуляй-польской группой и целиком поддерживалась прибывшей в повстанческое движение Иваново-Вознесенской группой анархистов-коммунистов во главе с т.т. Макеевым, А. Черняковым и другими...

Но и его, Аршинова, нельзя исключить из рядов большинства анархистов, появлявшихся в повстанческих рядах махновщины из городов, ибо и он, как и это большинство товарищей, появлялся в движении неожиданно, за исключением одного случая, и так же неожиданно покидал его. Да и в движении то он побывал в разное время всего месяцы, тогда как движение выдерживало титаническую борьбу со своими врагами целые года.

Главное руководительство повстанчеством, его армией, во всех ее внутренних разветвлениях, как-то: административных, хозяйственных, организационных и контрольных, строевых и оперативно-боевых, неизменно находилось в руках крестьян и рабочих. Братья Каретники, Ф. Крат, Мощенко, А. Марченко, И. Лютый, братья Махно, Тихенко, Гавриленко и многие, многие другие - все они крестьяне-анархисты, в большинстве своем из батраков.

Т.т. Серегин, В. Данилов, Я. Домашенко - были рабочие.

Эта группа, признав меня первым среди равных на пути движения, сосредотачивала через меня все нити руководства движением. И кто бы ни был из наезжавших из городов анархистов, они должны были с этим во всем считаться и следовать общим, этой группой намеченным, революционным положениям и вытекающим из них планом движения, даже когда хотели вносить что-то свое.

Правда, тов. А. Чубенко оказал мне и моим товарищам из группы большую помощь с первых дней активного нашего выступления против гетмана Скоропадского и немцев в 1918 г. Он, как машинист, имевший право проезжать по стране, провозил, что было нужно, от меня к остававшимся моим товарищам в России и от них ко мне. С июня м. 1919 года он избирается моим адъютантом, а в начале 20 года попадает к большевикам и сидит у них в тюрьме до октября 1920 г. В октябре, по договору с большевиками против врангелевщины, я требую внеочередного освобождения Чубенко из тюрьмы, и он снова появляется в движении, но теперь работает уже в другой области. Как техник, он разрушает препятствия для передвижения наших вооруженных сил и т.д.

Правда и то, что т. Виктор Белаш попал в движение Махновщины в начале 1919 г. и был рядовым бойцом в группе Тихенко-Пузанова-Куриленко, затем был представителем от этой группы в существовавшем при мне оперативном отделе, и с мая месяца по июнь месяц 1919 года был избран командиром 2 бригады моей дивизии, а затем во время объявления большевистской властью меня и движения вне закона он остался у большевиков рядовым бойцом в пехотном прикрытии одной из батарей. По возвращении обратно в ряды Махновщины был, в 1919 г. осенью, два месяца начальником штаба армии, а затем остался больной на селе и появился в движении в 1920 г.

Все эти годы, не взирая на такие скачки людей в смысле их пребывания в движении, на которых Кубанин ссылается, что они учителя, воспитатели и руководители, движение Махновщины росло, развивалось и идейно и организационно оформилось,

борясь с тем же энтузиазмом против всех властей и их контр-революцией, с каким оно начало борьбу эту против них в первой стадии своего зарождения. А это достаточно красноречивый аргумент за то, что движением руководили неизменные его прямые создатели, под идейным и организационным руководительством бесцеремонного дерзкого Махно.

Такова краткая история пребывания кубанинских рабочих руководителей, учителей и воспитателей движения Махновщины и самого Махно. По ней видно, что если бы революционное украинское крестьянство надеялось, что к нему придут извне воспитывать и учить его, как нужно организовываться в ходе времени и бороться с врагами революции и ее лучших заветов, то на Украине не были бы разбиты ни гетман с немцами, ни Украинская Директория, ни петлюровщина, ни деникинщина, ни врангелевщина. Но то именно, что крестьянство воспитало в своей среде беззаветно преданных ему сынов-революционеров и отдало их целиком на путь служения революции и идеям подлинного освобождения, сделало все для того, что крестьянство, организовалось, восстало и победило их.

Этого то никак не могут понять все борзописцы от большевизма. И поэтому все их писания, все их выводы в них касательно крестьянства и его революционной роли в русско-украинской революции бывают сплошь и рядом полны недоговоренностей и лжи.

VI.
БОЛЬШЕВИСТСКИЕ «МАХНОВЦЫ»

Кубанин насобирал ряд бывших своих, большевистских, деникинских и петлюровских удальцов, как-то - Володина, Гришина, Прочана, Савченко, Хмару, Яценко, Голика (которого не следует смешивать с Л. Голиком из-под Никитовки, бывшего нач. контр-разведки Махновской армии) и Никиту Чалого - действительно махновца, работавшего на тылах врангелевской армии и, благодаря большевистской и самого Врангеля провокации - *что «Махно заключил союз с Врангелем против большевиков»,* перешедший было на сторону Врангеля - и, объединяя их, как это нужно партии большевиков, ее лжи против Махновщины, называет всех этих удальцов махновцами и расписывает всякий вздор о них, как махновцах. Между тем из них Володин, командир Красной армии, в 1919 г., в августе месяце, перешедший на сторону махновцев, в ноябре месяце испарился и в 1920 году, летом, очутился в армии Врангеля с самостоятельным якобы отрядом. Савченко, Яценко и другие типы - из рядов деникинщины, которые у Врангеля получили разрешение действовать под именем Махновцев с целью увлечь за Врангелем трудовое население, прислушивавшееся к голосу махновцев *(Прим.* Эта тактика Врангеля действовать против большевиков среди крестьянства под именем махновцев больше всего и послужила тому, что мы начали убивать почти всякого врангелевца вплоть до его посланцев. Н.М.). Хмара - это агент Петлюровщины на Запорожье, он работал от имени Петлюровщины с Врангелем и с ним же отступил из Крыма в Константинополь. Лишь в эмиграции ушел от врангелевцев и петлюровцев. Никита Чалый - махновец из бедной крестьянской семьи панской деревушки Миргородщины, хороший партизан, блестяще выполнял все задания моего штаба по тылам деникинщины и врангелевщины» но провокация большевиков и самого Врангеля, всей их прессы о том, что Махно в союзе с Врангелем идет против большевиков, сбила с правильного пути его и он очутился у Врангеля в качестве командира 10-й *бригады имени Батько Махно,* которую врангелевское командование начало организовывать под этим номером и именем, но мы помешали.

Этот самый Чалый при подходе Махновской армии к линии врангелевского фронта в октябре месяце 1920 года и в схватке с врангелевцами, сразу же приехал ко мне, чтобы умереть, как

махновец, от руки махновцев за свои заблуждения, уведшие его в стан врангелевщины. Но я, будучи полководцем, знавшим прямое дело революции, в то время не мог его расстрелять, я дал ему задачу возвратиться в стан врангелевщины к месту формирования ***10-й бригады имени Батько Махно*** и привезти мне весь офицерский кадр, выделенный штабом Врангеля для формирования и обслуживания этой бригады.

Чалый вернулся в стан врангелевщины и в ночь с 17-го под 18 октября привез мне в штаб весь этот кадр - в лице полковника, капитанов и поручиков. Все эти врангелевские организаторы были опрошены моим помощником С. Каретником в присутствии моем и большевистских представителей от штаба Южфронта во главе с Васильевым. От них я узнал расположение сил врангелевской армии в тех местах, где находилась «непобедимая» дроздовская дивизия врангелевской армии и я, не дожидаясь нашего общего с Красной армией наступления против Врангеля, распорядился по частям сводной группы т. Петренко и кавалерии т. Марченко атаковать ***(sic! - А.Д.)*** знаменитых дроздовцев, которые до сего времени силами одной дивизии гнали беспрерывно силы двух - 23 и 42 - дивизий Красной армии.

Ответственные повстанцы-махновцы при разведывательной помощи опять-таки этого же Чалого пошли против Врангелевской гордости - дроздовцев и последние были атакованы и разбиты махновцами так, как они Красной армией никогда не разбивались. Это хорошо знает и Красное командование и сами дроздовцы с Кутеповым и Врангелем во главе. И у нас, махновцев, и в штабе Южфронта Красной армии есть документы о махновских трофеях в этой атаке на дроздовцев, о роли в подготовке этой атаки тов. Чалого. Но гр. Кубанин предпочел обойти эти документы и, как подобает представителю от партии в отделе по изучению документальной истории Октябрьской Революции и своей партии, занялся (и так неудачно) собиранием и навязыванием совершенно чуждого Махновщине и ее идеям и страсти бесстрашно умирать за них, элемента, объединяя его с Чалым, каждый шаг которого говорит, что к нему они не подходят, объединить необъединимое с ним нельзя.

Так обобщать исторические факты могут только марксисты-ленинисты. Только они могут роднить себя и свои мысли с ложью даже, когда им приходится заглядывать в подлинные документы о революции, о роли в ней революционеров и масс, шедших за ними, заглядывать в эти документы и давать о них знать другим, - даже, за этим ответственным и перед историей и перед своим же поколением делом они, большевики, способны извращать факты, не давая им полного и всестороннего освещения только по

партийным соображениям, только во имя того, чтобы раз уже партией принятое ложное поведение к враждебному ей движению, оставалось без царапины, круглым, гладким, какого требуют интересы партии.

Можно ли встретить, большую, чем это, мерзость где-либо в других социалистических движениях. Пока она особенно заметна в рядах только марксизма-ленинизма, в его практике.

VII.
СОЮЗЫ МАХНО С БОЛЬШЕВИКАМИ И «ИЗМЕНА» ИМ

«Три раза был Махно в союзе с советской властью, - пишет Кубанин на странице 98-й своей книги: - в 1918-м и начале 1919 года в боях против Гетмана и Краснова (атаман казаков Дона), в конце 1919 - против захватившего всю Украину и юг России Деникина и в конце 1920 года - против Врангеля».

Для Махновщины и ее руководителей совершенно неизвестно о троекратном союзе ее с большевиками. Это Кубанин для большей «политической» важности подчеркивает, что три раза Махно был в союзе с большевистской властью...

Союзов было *два:* один весною 1919 года против контр-революции казачества Дона и Деникина и другой в октябре месяце 1920 года против Врангеля.

В 1918 году у нас не могло быть союза с большевиками потому, что Махновщина, как организованная революционная сила трудящихся, была лишь одна на Украине. У большевиков трудовых и организованных революционных сил не было. И Махновщине заключать с ними союзы было незачем. Впрочем, это я ясно и определенно отметил в главе «Занятие г. Екатеринослава и басни большевиков о их роли и роли их вооруженных сил при этом». В этой главе так же ясно и определенно сказано о их силах в это время под и за Екатеринославом. Другое дело о периоде, когда они имели свои силы, приведенные из России. Таким периодом являются первые месяцы 1919 года. Махновщина заключила с ними союз, по которому они должны были снабжать ее снаряжением и вооружением и она подчиняла свои силы Красному Верховному командованию. Но этот союз был нарушен большевиками, с одной стороны, своим полицейским подходом против трудового населения Махновского района, приступившего строить свою социально-общественную жизнь на свободных началах без опеки партии большевиков и ее государственности, тогда как большевики стремились навязать ему именно государственность и диктатуру в ней своей партии. С другой стороны, тем саботажем в делах своевременной подачи патронов и снарядов вооруженным силам Махновщины, которая принуждала махновцев всем своим фронтом неоднократно бросаться против Деникина с пятью патронами в винтовке, и при удаче лишь сбивать его с позиции и захватывать у него патроны, а

при неудаче нести неисчислимые жертвы и отступать, оставляя ему свои окопы и тысячи раненых.

Однако, и при таком прямо или косвенно изменническом поведении большевиков по отношении к Махновщине, революции и ее защиты в целом, поведении, ясно показующем, что большевики стремились во что бы то ни стало, хотя бы целиком за счет революции на Украине, уничтожить Махновщину физически и извратить ее общественный идеал, показать их революционным труженикам России, как идеал кулачества и контр-революции. Несмотря на все это, Махновщина, как движение низовое и подлинно революционное, знавшее свое место и роль в обширнейшем русле Революции, не пошла ни на какие союзные комбинации с враждебными большевикам силами, как господствующей организованной уже силе в авангарде Революции. Видя все преступления обнаглевшей большевистской партии и ее власти на пути Революции, Махновщина считала себя морально вправе бороться против самой большевицкой наглости. И она избрала себе путь этой борьбы: 1) во временном уходе от командования своими вооруженными силами всего высшего командования во главе со мной; 2) в оставлении всех вооруженных своих сил под верховным командованием большевиков; 3) в серьезном внутри и извне наблюдении за большевистскими оперативными действиями с целью проверить со стороны, насколько эти действия большевиков родственны великим задачам Революции.

Нужно сказать правду: большевистские военные и гражданские власти этому уходу повстанческого махновского командования радовались - Махно ушел от командования повстанческими вооруженными силами, значит, силы эти будут все сделаны большевистскими силами и все будет хорошо. Мы восторжествует и в украинском городе и на селе - злорадствовали большевики в верхах. И начали задабривать повстанчество, переименовывая полки в красных орлов и т.п.

А большевистский фельдфебель Л. Троцкий настолько обрадовался, главным образом, моему уходу от повстанчества, что первые дни не знал, что делать. И лишь когда опомнился, сделал командарму № 14 т. Ворошилову распоряжение: *схватите Махно и представьте в центр его живым.*

К несчастью Троцкого, в Красной армии нашлись начальники дивизий, большевики, которые, с прямых рук прочитав это его распоряжение, в тот же час сообщили об этом мне.

И Ворошилову схватить меня не удалось. Наоборот, он и присланная к нему из центра свора чекистов, которая и должна была меня схватить живым, сами чуть было не погибли, их

деникинцы окружили вместе с бронепоездом «имени Руднева». Мне, уже сдавшему свое командование и ехавшему с незначительной группой на линии фронта пришлось посылать свои 4 пулемета и взвод кавалеристов, чтобы спасти этих своих палачей. И деникинцы махновцами были отбиты... Бронепоезд был спасен и спасены Ворошилов и свора чекистов.

Помню, как рад был командарм Ворошилов, как благодарил он меня через моего адъютанта; в присланной мне записке через своего курьера этот самый Ворошилов изливает свое уважение ко мне и настойчиво просит приехать к нему и с ним вместе обсудить ряд важнейших планов дальнейшей борьбы.

Я ему ответил:

«Я знаю распоряжение Троцкого и роль, какая выпала на Вашу, тов. Ворошилов, совесть выполнить в связи с этим распоряжение. Поэтому обсуждение с Вами планов дальнейшей борьбы считаю невозможным. Сообщаю Вам свои планы. - Я намереваюсь пробраться в тыл армии Деникина и займусь разрушением его. Это так важно теперь именно, когда он предпринял на всех своих фронтах решительное наступление.

Бывший Ваш друг в борьбе за торжество Революции

Батько Махно.

15 июня, 1919 г.»

Этот самый Ворошилов в эту же ночь (с 15-ое на 16-е июня) распорядился арестовать членов моего штаба Михайлова-Павленко ***(sic! - А.Д.)*** и Бурбыгу и 17-го июня расстрелял. А верховное Красное командование в согласии с правительством Ленина объявило меня и все движение Махновщины в целом вне закона, глупо надеясь, что оставшееся под их командованием вооруженное повстанчество отнесется к этому их преступному акту, если не сочувственно, то молчаливо наверняка. Но упрямые повстанцы-махновцы в тот же день, как только получили приказы об объявлении меня и движения вне закона, убили проезжавшего по фронту моего заместителя, присланного из центра, и потребовали от своих командиров «немедленно снестись с Батьком Махно и попросить его указаний, как быть дальше: оставаться ли под командованием красных дураков и действительных изменников революции и дальше, или же начать такую же жестокую борьбу, какую ведем против Деникина, и с этими преступными красными дураками».

В то время, когда меня и движение объявляли большевики вне закона, их полки и бригады требовали, чтобы поручить командование над ними Батько Махно, ибо «кругом видим измену Революции» - гласили их резолюции. Даже бригада имени Ленина вынесла свою резолюцию с требованием «допустить

Батько Махно до руководства революционными силами против Деникина».

То был момент, когда большевистское Красной армии командование замешкалось, не знало, что делать. Военный комиссар из Александровска тов. Гопе спешно приехал ко мне в час ночи и умолял меня «взять под свое оперативное и организационное руководство защиту города Александровска и плацдарма Александровск-Мелитополь, чтобы дать возможность Крымской армии под командой Дыбенки свободно выйти из Крыма и переправиться на левый берег Днепра». Я от этого отказался после того, как узнал, что у них нет в резерве никаких сил на этом боевом участке, которые мне нужны были, если бы я принял предложение, чтобы заменить ими махновцев и части Красной армии, стоявшие параллельно с махновцами на фронте, и подготовить этим части к защите г. Александровска и района; эти части были испытанными и закаленными в боях частями. Равно же я счел долгом указать через т. Гопе высшим большевистским властям, чтобы они в связи с его обращением ко мне занять ответственный пост по защите района разъяснили трудящимся свою глупость, которая толкнула их на объявление меня и повстанческое движение вне закона.

Это - два условия, которые не позволили мне до их выполнения самими большевиками, занять предложенный мне революционный пост в стороне от повстанчества, чтобы снова вместе с большевиками и их спецами продолжать дело борьбы против Деникина.

За это я был повторно объявлен вне закона. Теперь большевики уже открыто призывали красноармейцев и повстанцев убить меня, заверяя их что за это из них никто никакого наказания не понесет, а получит награду.

Как раз в это же самое время и Деникин объявлял награду с своей стороны тому, кто убьет меня. Но после всего этого и того, что повстанцы и красноармейцы требовали меня к себе, - я не пошел уже в тыл деникинской армии. Я погрузился в то, как наибезболезненней для революции на Украине перенять инициативу действия против Деникина снова в свои руки. В противном случае Деникин, - говорил я тогда своим близким, - укрепится на Украине, благодаря большевистской политике и стратегии, настолько, что в ближайший год-два нечего и думать о его ликвидации. А это может привести его к недопустимой победе и в России над тружениками.

Вот поэтому то я и начал сближаться снова с оставшимся в красной армии повстанчеством и вести надлежащую работу через него и непосредственно среди трудового населения и красной

армии, работу по указанию массам того, что делают большевики с их великими завоеваниями.

Оправдалась ли эта моя работа, - это читатель увидит из следующей главы.

VIII.
ЛОКАЛЬНОСТЬ МАХНОВЩИНЫ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНАЯ ЕЕ РОЛЬ В ЛИКВИДАЦИИ ДЕНИКИНЩИНЫ

Все большевистские «историки» всегда касаются махновщины, стараются показать махновщину в роли узко-местнических целей, не стоющих, дескать, серьезного внимания историка. Гр. Кубанин тоже стал на этот неверный путь толкования Махновщины. Тогда как ему стоило бы взглянуть более трезво на махновщину, ибо, как ни как, он призван дать по вопросам Махновщины исчерпывающие ответы от имени своей партии. Но он обходит факты о том, что Махновщина несравненно дальше своего района смотрела и в связи с этим действовала.

Уже в сентябре и октябре месяце 1918 г. вооруженные силы махновщины, ведя борьбу против гетманщины и немецко-австрийских экспедиционных армий на Украине, выходили далеко за пределы местностей, где Махновщина взяла свое основание, и создавала на своем пути нужные группирования тружеников, а в ноябре месяце 1918 г. Махновщина уже занимала фронтовую линию против белого Дона и Деникина, действуя на ней далеко не во имя только местных целей. Мне известно (не знаю, почему только неизвестно большевистским историкам), что в это время Махновщина имела против себя четыре контр-революционных боевых участка, как то: деникинские - Мелитополь-Бердянский, Таганрогский и Гришинский, и Украинской Директории - Александровско-Синельниковский. Правда, последний боевой участок активно себя в то время не проявлял, но он в наличии был и против него штабу Махновщины приходилось всегда держать внушительные силы, пока не наступил благоприятный момент, чтобы и на этом подозрительно себя ведшем боевом участке заняться ликвидацией врага. Когда же момент этот наступил, махновщина ликвидировала и на этом боевом участке врага, причем ликвидировала она его далеко не из-за местных целей. Махновщина руководствовалась идеей Революции, свободы и независимости тружеников деревни и города на ее пути и она хорошо сознавала, что ввести в жизнь трудящихся реально эти идеи можно только через полное и решительное физическое уничтожение вооруженных сил действительной контрреволюции на всей территории революции

и к этому она стремилась, это она делала.

Так что Кубанин напрасно уклонился от действительных документов, говорящих о целях и связанных с ними действиях Махновщины и выдумал и подменил их своими «истинами». Само протяжение фронтов Махновщины против наступления внутренней и внешней контр-революции уже в это время говорит за то, что Махновщина, как революционно-освободительное движение, была совершенно свободна от специфически локальных, т.е., приспособленных к обстоятельствам известной местности целям. Выше я подчеркнул, что физическое уничтожение сил контр-революции, по мнению Махновщины, должно являться первой и незамедлительной задачей вооруженных сил революции, на всей ее территории. Махновщина на Украине это и сделала. Стоит Кубанину покопаться во всех прокламациях и с ними в руках проследить деятельность махновщины, ее вооруженных сил, и ему не трудно будет убедиться в том, что он пишет неправду о Махновщине.

Правда, Кубанин аргументирует это свое утверждение о Махновщине: «Махно, - говорит он, -приняв бой и даже разбив врага, не преследует его, а поворачивает назад и стремится уйти обратно в свой район». И чтобы не быть голословным, он продолжает: «в августе м. 1919 г. Махно, под давлением деникинцев вышел далеко за пределы своей территории и проделал большой рейд по Донецкой, Екатеринославской, Полтавской и Киевской губерниям. Но, разбив деникинцев, Махно спешит вернуться обратно в свой район».

Но эта аргументация его, помимо того, что является грубой, по умыслу, неточности, неверности, и смешения во времени и в направлениях рейдов махновской армии под моим руководством, -она лишена вообще утверждающего смысла. Ибо в августе м. 1919 г. революционно-повстанческая армия Украины махновцев не была ни в Донецкой, ни в Екатеринославской и Полтавской губерниях. До августа месяца армия махновцев, не смотря на всю ту грязь и травлю большевистской партии против меня лично, против движения в целом, по моему настоянию оставалась под большевистским верховным командованием в борьбе против деникинщины. И лишь, когда большевистский маршал -по махновски фельдфебель - Лев Троцкий прямо заявил Ленину и его присным, что необходимо дать ему право разделаться с Махновщиной и когда таковое получил и начал действовать против Махновщины, в согласии со своими заявлениями: «лучше отдать Деникину всю Украину, чем допустить расти и развиваться в ней махновщине»... «Деникина нам легче будет разбить» и т.д., и т.п. ... И, когда Красная армия на юге Украины начала

оттягиваться своим командованием из неприступных для врага днепровских позиций далеко на Север Украины, с целью, как будто, выравнивания фронта, а в действительности это была эвакуация Украины с оставлением населяющих ее тружеников на растерзание деникинским палачам, - лишь в это время я со своим штабом решили действовать не медля ни одного дня. В эти же дни мною было сделано распоряжение повстанческим командирам, которые оставались с повстанцами в Красной армии, под общим красным командованием на противоденикинском революционном фронте, как-то: А. Калашнику, Буданову, Льву Голику и Дерменжи чтобы захватили штаб боевого участка и его начальника - Кочергина, издали приказ за моей подписью по войскам: «арестовать всех политкомов и ненадежных командиров и передать их всех в распоряжение временно замещающего меня начальника боевого участка т. Калашника, а самим, избрав нужных командиров, перейти в контр-наступление против наседавших деникинских дивизий, не щадя при этом ни одного врага революции, если бы такие оказались даже из рядов бедноты».

Переворот был устроен решительно и без кровопролития. Лучшие большевистские части сами арестовали своих политкомов и направляли их в штаб боевого участка товар. Калашника. Таким образом, армия махновцев снова взяла себе прежнюю инициативу в борьбе украинских тружеников против контр-революции, возглавлявшейся армией Деникина.

Результаты этого насильственного отнятия махновцами от большевистского командования инициативы борьбы против Деникина известны не только нам, махновцам, а также большевикам, Деникину и вооружавшей и снабжавшей его деньгами - Антанте. Они известны всему культурному миру, который серьезно следил за трагедией украинско-русской революции этого именно периода (или, если ему, этому миру, это не известно, то тогда он не знает украинско-русской революции). Результаты этого отнятия нами, махновцами, у большевиков инициативы в борьбе с Деникиным выразились в полном уничтожении деникинщины на Украине, уничтожении, вызвавшем полное замешательство и растерянность не только в самой ставке генерала Деникина, убежавшего со всеми представителями Антанты из г. Таганрога в Ростов на Дону, но и на фронте, под Москвой.

Удар махновской армии по деникинщине и ее армии на Украине был настолько неожидан по своей своевременности и силе, что ставка Деникина (не без совета с Антантой) начала в спешном порядке оттягивать лучшие свои боевые части со своего

фронта на московском направлении, чтобы, во что бы то ни стало, отбить у нас революционную украинскую территорию - этот, один из лучших стратегических плацдармов для его ориентации на западную буржуазию, а последней - на него, против украинско-русской революции и тех идей, которыми революция питалась, но большевики постарались эту пищу отравить и этим убили революцию.

И то, что армия украинских революционных крестьян и рабочих - армия повстанцев-Махновцев - разбила генерала Деникина, не отрицает и Кубанин в своей книге. Он хотя и подтасовал свое признание в этом, но тем не менее подтасовка его бьет мимо цели. Вопреки своей воле и партийной обязанности, он должен был сказать это следующими словами: «В конце 1919 г. махновская армия, сразив Деникина, сама была сражена тифом...» К этому большевистскому признанию через 8 лет, когда видимо надоело во всем и всегда клеветать на махновщину, - к признанию, что все-таки армия махновцев сразила Деникина на Украине - я считаю своим долгом добавить: сразила армия повстанцев-махновцев деникинщину и ее армию под предводительством г-на Деникина на Украине потому, что дерзнула силою отнять у большевиков инициативу борьбы с ними. Не отними махновцы этой инициативы от большевиков, они, большевики, по своей глупости в маневрировании против Махновщины, отдав летом 1919 г. Деникину Украину, отдали бы все Подмосковье и, быть может, самое Москву, лишь бы, как Троцкий выражался, не допустить роста и влияния Махновщины. А отнятием от них инициативы борьбы против разлившейся по Украине контр-революции, Махновская армия в два месяца парализовала деникинские силы и занялась в спешном и решительном порядке полной ликвидацией их. Правда, большевики в настоящее время, в силу их логики мышления и связанного с ним авантюристически-интеллигентско-кастового отношения к интересам революции, к роли в ней украинских революционных крестьянских низов, не под силу это оценивать. Но, тем не менее, благодаря факту отнятия у них махновцами инициативы борьбы с деникинской контрреволюцией и разгрома ее на Украине, повстанцы-махновцы этим самым оказали не подлежащую измерению помощь русским крестьянам и рабочим - их Красная армия того времени, - помощь, благодаря которой Деникин принужден был замедлить свое форсированное наступление по следам отступавшей Красной армии на московском направлении и даже останавливал его в связи с тщетными попытками спасти свой тыл от смертельных ударов махновских корпусов.

Это обстоятельство позволило красной армии опомниться и своевременно остановиться на путях своего тяжелого отступления под натиском деникинской армии на московско-тульском направлениях и, оправившись, перейти в контр-наступление против армии Деникина, как раз в тех местах, где Деникин - снятием ряда своих боевых частей, отправленных в тыл против армии повстанцев-махновцев, ослабил их.

Так в действительности началась повстанцами-махновцами на Украине ликвидация контрреволюции г-на Деникина, реальность которой спасла красный фронт Тула-Москва и, таким образом, сочетала во всероссийском масштабе, махновцами из Украины, Красной армией из центральных губерний России, ликвидацию этой контр-революции, в которой эта последняя и нашла приятную для нас всех смерть.

Факты об этом акте движения Махновщины тоже определенно говорят нам, что большевистские историки, в силу своего ничтожества, бессильны охватить действительность русско-украинской революции и понять подлинную роль в ней революционно-повстанческой армии Украины (махновцев), принуждены путаться в вымышленной ими же локальности махновщины, произвольно высасывать данные о ней и лгать в связи с этим на Махновщину и на всех, не впавших ***(sic! - А.Д.)*** перед ложью их государственности и власти на колени лучших преданнейших ее представителей.